

АЛАН ЧАРОИТ

ЭЛЬФИЙСКИЙ ПОДМЕНЫШ

КОРОЛЕВСКИЕ СОКОЛЫ

16+

Королевские Соколы

Алан Чароит

Эльфийский подменыш

«Автор»

2017

Чароит А.

Эльфийский подменыш / А. Чароит — «Автор»,
2017 — (Королевские Соколы)

Элитный отряд чародеев — Королевские Соколы — впервые за всю историю существования набирает новобранцев. Семеро счастливицков отправятся на чёрную мельницу учиться колдовству, чтобы уже в канун Самайна участвовать в Зимней битве. Но один из них может оказаться предателем.

Содержание

Пролог	6
Мельница у Чёрного леса	11
Глава первая	11
Глава вторая	20
Глава третья	32
Глава четвёртая	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алан Чароит

Эльфийский подменыш

Королевские Соколы – 1

* * *

Пролог

Яркие рябиновые грозди алели по обеим сторонам дороги, предвещая холодную снежную зиму, а вместе с ней – и суровые времена. Прежде Элмерик не на шутку встревожился бы из-за этой плохой приметы. Ещё вчера он считал себя самым невезучим бардом на свете, но вдруг его жизнь изменилась в одночасье. Ему больше не придётся искать кров, голодать или закладывать у ростовщика свою серебряную флейту. И всё благодаря счастливому случаю, который поначалу не казался таковым.

На днях дорогу размыло. Да так, что торговцам, с которыми ехал Элмерик, пришлось искать пути объезда. Заметив на горизонте очередную грозовую тучу, они решили переждать дождь в деревушке под названием Маргаритковый Лог. Её даже не было на карте, которую Элмерик некогда выиграл в кости и берёт как зеницу ока вместе с другими своими сокровищами, доставшимися ему по наследству, – арфой и серебряной флейтой. Оставалось лишь скрипеть зубами, досадуя из-за задержки. Ведь в таком богами забытом месте много не заработаешь. У них, небось, и кабака-то нет?

Кабак в деревне был, но, к огромному разочарованию Элмерика, оказался закрыт. Вывеску украшала пивная кружка – просто, без изысков, без названия. Впрочем, зачем его писать, если клиенты не умеют читать?

Перед грозой улицы обезлюдели. Стучаться в чужие дома Элмерик не решился, поэтому спрятался под соломенным навесом. Он пристроил арфу в самое сухое место и, поёжившись, поднял воротник потёртой замшевой куртки.

Стена пестрела многочисленными объявлениями – как свежими, так и совсем истёртыми. Надписи сопровождалась картинками: на листке, сообщающем о продаже козы, была нарисована кривенькая, но вполне узнаваемая коза, а на объявлении о скупке утиных тушек – охотник с разбойничьей рожей и дохлый селезень, пронзённый стрелой. А чуть в стороне селезней и коз – Элмерик сперва не поверил своим глазам с красовалась грамота с королевским гербом: три золотых короны на червлёном поле. Ему пришлось перечитать слова трижды, чтобы убедиться, что это не сон. Грамота гласила:

Соколиный отряд Каллахана О'Ши ищет новобранцев для обучения ремеслу королевского ловчего.

Нужны юноши и девушки от пятнадцати лет, обученные грамоте и счёту, бесстрашные и отважные, желающие служить стране и своему королю.

Чародейские умения приветствуются.

Обращаться в таверну к господину Дэрреку Драконцу, который будет ждать соискателей сегодня до наступления темноты.

Свиток был уже потёртым, так что Элмерик на чудо не надеялся, но всё равно заколотил кулаками в дверь. Ему никто не ответил, однако из трубы шёл дым, а значит, внутри определённо кто-то был. Отчаявшись дозваться хоть кого-нибудь, он обвязал вокруг пояса куртку и, поплевав на ладони, ловко вскарабкался по лозе дикого винограда на второй этаж. И вдруг как ливануло! Элмерик в один миг промок до нитки и чуть не оглох от ужасающего раската грома. Он уже собирался прыгнуть вниз, как вдруг ставни распахнулись, и послышался слегка дребезжащий голос:

– Заходите, юноша.

Перевалившись через подоконник, Элмерик столкнулся нос к носу с полным пожилым господином с пышными бакенбардами. Из одежды на нём были ночная рубаша и колпак. Он что, спал? В такое время?

Элмерик был зол, как оса и не произнёс ни единого бранного слова лишь потому, что у него зуб на зуб не попадал.

– Я это... по объявлению, – выдавил он.

– Да-да, я так и понял. Простите великодушно, задремал. Вам ещё повезло, что меня разбудил гром. Я – Деррек Драккон, – вместо рукопожатия толстяк протянул Элмерику флягу. – Выпейте. Это поможет не разболеться. Не стесняйтесь, почувствуйте себя, как дома. Возьмите плед, если надо. Подождите, я переоденусь.

Пока он копошился за ширмой, Элмерик передвинул кресло с потёртой обшивкой поближе к печи и накрыл ноги шерстяным клетчатым пледом, какие часто носили выходцы из Холмогорья. Элмерик и сам был оттуда родом, поэтому мог с уверенностью сказать, что узор на пледе господина Деррека не принадлежит ни одному из кланов. Попросту говоря, это была подделка. Ну и пусть. Главное, что тёплая. Пойло из фляги обожгло горло, и Элмерик закашлялся. Обычно он не пил ничего крепче эля. В последнее время довольно паршивого...

Ожидание затягивалось, и ему оставалось лишь вертеть головой от скуки. И как только господин Драккон не побрезговал остановиться в такой дыре? Бревенчатые стены были сплошь изъедены древоточцами. Кровать наверняка служила домом для целого полчища клопов, а всю мебель покрывал толстый слой пыли. Ковёр на полу протёрли до дыр прошлые постояльцы – сложно было угадать его изначальный цвет.

– Известно ли вам, юноша, чем занимаются королевские ловчие? Слышали ли вы вообще о Соколином отряде Каллахана О`Ши? – раздалось над ухом, и Элмерик подпрыгнул от неожиданности. Умеет же этот дед подкрадываться!

– Да кто же о них не слышал!

– Понимаю, вопрос довольно странный, но установленный порядок требует начинать нашу беседу именно с него. – Господин Драккон сел и надел очки в тонкой оправе. – Юноша, у вас с волос течёт. Почему вы не взяли полотенце?

– А можно?

– Я же сказал: «чувствуйте себя, как дома».

Элмерик подумал, что меньше всего на свете хотел бы, чтобы его дом был похож на эту убогую комнатёнку, но вслух ничего не сказал и принялся яростно вытираться. Его кудри ещё больше завились от дождя и теперь неприятно липли к шее.

Господин Драккон подождал, пока гость отложит полотенце и задал второй, не менее глупый вопрос:

– И чем же по-вашему занимаются Соколы?

– Защищают Его Величество и всех жителей королевства от козней эльфийского народа. Они настоящие герои. Я с детства мечтал стать одним из них.

Драккон встал, одёрнув колет из серого сукна (тот был явно маловат и некрасиво обтягивал живот, одна из серебряных пуговиц болталась на ниточке). Шаркающей походкой он добрался до лежавшей в изголовье кровати дорожной сумки, достал оттуда несколько листов бумаги отменного качества, дорожную чернильницу и перо, после чего вернулся на место.

– Сколько вам лет, юноша?

– Шестнадцать. – Элмерик улыбнулся. В кои-то веки ему не пришлось врать и накидывать пару-тройку лет, как бывало для участия в музыкальных состязаниях. – А можно я тоже вас спрошу? Как вы связаны с Соколами? Вы их писарь или что-то вроде того? А самого Каллахана вы видели? Говорят, он эльф. Это правда?

– Всё это не имеет отношения к нашей беседе. По крайней мере, пока, – господин Драккон нахмурился, и Элмерик решил не настаивать, чтобы не злить старика, от которого зависело его будущее.

Долгие странствия научили Элмерика неплохо разбираться в людях. Нередко он мог с первого взгляда многое сказать о человеке. Но только не о Дерреке Дракконе. Это имя, зву-

чащее, как раскат грома среди ясного неба, совершенно не подходило полноватому лысеющему чудаку. Сложно было понять, из каких земель тот родом, хотя Элмерик знал все наречия и говоры Объединённых Королевств. Чернильные пятна на пухлых пальцах намекали, что господину Драккону приходится часто писать, но... нет, пожалуй он всё-таки не писарь. Те обычно не носят на правой руке крупных перстней. Особенно таких – с соколиным профилем из белого металла и дорогим рубином в глазу. Быть может, Драккон – целитель или алхимик? Элмерик принюхался: от собеседника и впрямь смутно пахло то ли травами, то ли какими-то порошками.

– Были ли у вас в роду эльфы Благого или Неблагого дворов, а может, младшие фейри? Или же вы являетесь человеком без примеси волшебной крови? Сами понимаете: ваши волосы заставляют заподозрить дальнейшее родство...

Грозный взгляд поверх очков удавался толстяку не очень, но Элмерик всё равно настаивал. Вопросы про эльфов никогда не задавали просто так. Как и в случае с возрастом, он решил не врать – слишком сложно было угадать правильный ответ, не зная настоящих ожиданий.

– Я из Холмогорья. У нас там каждый второй рыжий.

– Отвечайте на вопрос прямо, юноша, не увиливайте.

– Насколько мне известно, в нашем роду эльфов не было, – Элмерик не без сожаления вздохнул. – Зато рыжих да кудрявых – хоть отбавляй. С тех пор, как мой прадед женился на дочке самого Вилберри-скрипача и перешёл в её клан.

– Кхм-кхм, – господин Драккон сделал очередную пометку на листке. – А ваши глаза – это тоже наследственное? Или результат колдовства? Вы хорошо видите?

– Да нормально я вижу, – буркнул Элмерик. – Никакого колдовства, я таким родился.

Левый глаз Элмерика был зелёным, как у матери, а вот правый – тёмно-карим. Он не стал рассказывать Драккону, сколько неприятностей доставляла ему эта приметная черта. В детстве сверстники обзывали его эльфийским подменным, постоянно таскали за уши, пугали, что кончики могут заостриться с возрастом. Родители ахали и тайком водили сына к всевозможным чародеям – не только к адептам разрешённого колдовства, но и к тем, кто владел дикой магией. Однако никто так и не понял причину странного недуга. Да и недуга ли? У него ведь ничего не болело.

Драккон ещё что-то записал, но когда Элмерик попытался прочитать его ровный убористый почерк, поспешно прикрыл листок рукой.

– Скажите: как у вас с силой и выносливостью? Нет ли каких болезней? Спите хорошо? А зубы в порядке? Были ли у вас отношения с кем-то? Я имею в виду... кхм... плотские.

Элмерик вспыхнул и вскочил, едва не поскользнувшись в луже, что натекла с его одежды. Плед всколыхнулся на его плече, словно плащ какогонибудь древнего героя.

– Эй, это не ваше дело! Вы даже не спросили, как меня зовут и чем я занимаюсь! Мы всё ещё говорим о Соколах? Или, может, вы набираете работников в заведения иного рода?

– Все вопросы чародея имеют смысл, – Драккон даже не поморщился в ответ на дерзкие слова. – Вернитесь на место, юноша. Мне незачем спрашивать о том, что и так видно. Вы из семьи Лаверн, раз говорите, что в родстве с легендарным Вилберри. У вас на поясе флейта. А внизу под навесом вы оставили чехол с арфой. Очевидно, вы музыкант. Если покопаться в памяти, я даже смогу припомнить имя блудного сына, которого безутешный Энгус Лаверн пять лет разыскивает по всем Объединённым Королевствам. Элмерик, верно ведь? А теперь скажите мне, Элмерик Лаверн: занимались ли вы сами или кто-нибудь из ваших родственников запретной магией?

От этих слов Элмерик немного успокоился, но в кресло тоже не вернулся, решив пока постоять. Мало ли.

– Вы не ошиблись: я из тех самых Лавернов, – не без гордости произнёс он. – У нас в роду было много чаропевцев. Но дикой магией мы никогда не занимались.

Господин Драккон недоверчиво хмыкнул, но спорить не стал. Лишь уточнил, прищурившись:

– А вот вы, юноша, кто? Чаропевец, бард или простой менестрель? Как думаете?

Элмерик вздохнул, потирая веснушчатый нос. Искушение приукрасить действительность было велико, однако – уже в третий раз за разговор – он принял решение сказать чистую правду:

– Я ушёл из дома в одиннадцать лет. Чаропению же у нас в семье обычно обучают с двенадцати. Разумеется, я видел, как колдовали отец и дед. Что-то сам пробовал ещё в детстве, и у меня даже выходило. Они не успели передать мне все свои знания, но азы я знаю. Называть меня менестрелем совсем не верно, и даже обидно. Мой ранг выше: я – бард, имеющий разрешение от гильдии бродячих актёров и музыкантов на использование простейших мелодических чар. Могу, если надо, показать бумагу за подписью мастера Оллисдэйра.

Больше всего он боялся, что господин Драккон начнёт расспрашивать о причинах побега из дома, и уже заготовил довольно резкий ответ, но толстяк только кивнул и опять углубился в записи.

Элмерик прошёлся по комнате. Постоял у камина. Сел на подлокотник. И, наконец, решив, что ему ничего не угрожает, вернулся в кресло. Завернувшись в плед, он отхлебнул ещё глоток из фляжки. Тепло постепенно распространялось по его телу. Пламя в печи весело гудело, от штанов поднимался едва заметный пар.

Господин Драккон наконец отложил перо и с сожалением поскрёб ногтем свежее чернильное пятно, расплывшееся по манжете рубашки.

– Последний вопрос: есть ли у вас родные братья или сёстры? Лучше, конечно, близнецы.

– Увы, нет. Была старшая сестра, но, говорят, она умерла от лёгочной горячки ещё до моего рождения.

– Жаль. Впрочем, уже не важно. – Господин Драккон наклонился к нему через стол и придвинул бумаги, исписанные мелким красивым почерком. – Прочитайте это, друг мой. И подпишите, если со всем согласны.

Элмерик вгляделся в убористые строки. Договор гласил, что новобранец Элмерик Лаверн по собственной воле и безо всякого принуждения вступает в отряд Каллахана О’Ши, где будет обучаться чародейскому ремеслу с Лугнасада по Самайн сего года, после чего ему назначат Испытание. По итогу оногo Испытания его зачислят в ряды Королевских Соколов или откажут в этой чести. Новобранец предупреждён, что во время обучения его жизнь будет подвергаться опасности: он может подорвать здоровье, лишиться рассудка или даже умереть. Если подобное случится, он не будет иметь жалоб: ни прижизненных, ни посмертных. Новобранец обещает слушаться учителей, которых ему назначат, выполнять их приказы и задания, не лгать им. К учёбе обещает относиться с надлежащим рвением, не задирать товарищей, не напиваться веселящими напитками сверх меры, не нарушать распорядок дня и соблюдать осторожность при работе с опасными чарами. Свои действия и чаяния новобранец должен посвятить интересам Объединённых Королевств и Его Величества верховного короля Артура Девятого, всегда помня об эльфийской угрозе. На весь срок обучения предоставляются жильё, пропитание и жалованье в размере одного серебряного в неделю, сохраняющиеся даже в случае отчисления до самого Бельтайна, ибо негоже выставлять людей на улицу, когда колесо года повернулось на тёмную сторону.

Последнему пункту Элмерик обрадовался особенно. Выходило, что даже если он не подойдёт Соколам или, скажем, отношения с учителями не заладятся (а с ним такое уже бывало. Вспомнить хотя бы мастера Брэди), можно будет просто бездельничать и всё равно иметь крышу над головой, пищу и жалованье. Один серебряный лучше, чем вечно пустые кар-

маны. А к опасностям он привык: за пять лет скитаний всякое успел повидать. Если же бесплатный сыр по традиции окажется приманкой в мышеловке, сбежать всегда успеется.

Он взял перо и поставил размашистую подпись. Господин Драккон бережно принял листок обеими руками, подышал на него и, убедившись, что чернила высохли, убрал договор в сумку.

– Ну что же, Элмерик Лаверн, поздравляю. С этого момента ты зачислен в Соколы на испытательный срок. Твоё обучение начнётся сразу, как ты окажешься на мельнице в Чернолесье. Как можешь догадаться, она находится неподалёку от Чёрного леса, у Рябинового ручья. – Заполучив договор, господин Драккон начал говорить не в пример проще и сразу же перешёл на «ты».

– И как же мне туда попасть, господин Драккон? Этот лес... он же огромный!

Элмерик хорошо изучил свою карту и помнил, что непроходимый и таинственный Чёрный лес находился на юго-западе Объединённых Королевств. О нём рассказывали множество страшных легенд, поговаривали даже о проклятии. И, конечно, там водились фейри. Однако ни деревни под названием Чернолесье, ни Рябинового ручья на карте не было. И уж точно там не были отмечены сельские мельницы.

– Я сам тебя отвезу. Мы отправимся в путь на рассвете. И раз уж ты теперь стал новобранцем, перестань называть меня по родовому имени. У Соколов так не принято. – Драккон приоткрыл окно. Дождь как раз закончился, и сквозь тучи осторожно выглянуло солнце. – Думаю, «мастер Дэррек» звучит вполне неплохо. А я буду звать тебя Рик. Идёт?

Вообще то, Элмерик не очень любил, когда его имя сокращают, но в этот раз почему то не возразил. Наверное, был слишком ошарашен: его – бездомного бродягу – вдруг приняли в легендарный отряд, известный не только в Объединённых Королевствах, но и за их пределами, даже в волшебной стране эльфов!

А спустя несколько дней протестовать было уже как то поздно.

И вот теперь он смотрел на рябиновые деревья, росшие по обеим сторонам размытой дороги, и похожие на вату облака, тронутые нежным закатным золотом. Они должны были прибыть на мельницу сегодня до наступления темноты. Колымага тряслась на ухабах – лошади ускорили шаг, почуяв близость жилья, а северный ветер, казалось, ещё и подгонял их.

Рябину вдоль дорог в этих краях наверняка высаживали неспроста. Во все века она считалась самым мощным оберегом от лесной нечисти, болотных духов и малого народца. Не от самих эльфов, конечно, а от их слуг – младших фейри.

– Смотри! – сказал мастер Дэррек, указывая пальцем куда то вдаль.

Они как раз выехали из перелеска. Вдалеке на холме показалась маленькая, словно игрушечная, водяная мельница. Её силуэт казался почти чёрным на фоне закатного неба, и Элмерик никак не мог разобрать, крутится ли колесо. По мере приближения крутой холм становился всё выше и выше. Вскоре он закрыл собой вид и на небольшую деревню, и на переброшенный через Рябиновый ручей деревянный мост, и даже на верхушки деревьев Чёрного леса, раскинувшегося по обе стороны от долины. Элмерiku пришлось задрать голову, чтобы наконец то убедиться: колесо крутилось, мельница работала. По мере приближения он начал слышать и грохот работающих жерновов.

– Ну вот, приехали, – мастер Дэррек лихо спрыгнул с повозки: возраст сказался на его внешности, но никак не на ловкости. – До следующего лета здесь будет твой дом.

«Нет у меня никакого дома», – хотел возразить Элмерик, но отчего то промолчал. Возможно, впервые после побега ему отчаянно захотелось почувствовать тепло и домашний уют. А раз так, то почему бы всему этому не оказаться здесь, на мельнице близ Рябинового ручья у самого Чёрного леса...

Мельница у Чёрного леса

Глава первая

– Эй ты, рыжий, твоё место у двери, понял? – худощавый черноволосый парень глянул с вызовом.

Он был примерно на полголовы ниже Элмерика, поуже в плечах и такой смуглый, будто только и делал, что целыми днями валялся на солнцепёке. Но, несмотря на низкий рост, безобидным этот тип вовсе не выглядел: сбитые костяшки на кулаках намекали, что драться он умеет и любит.

– С чего бы это?

Элмерик пока больше удивился, чем разозлился. И, конечно, надеялся решить дело миром.

– А нечего было приезжать позже остальных! – задира с размаху уселся на кровать и закинул ноги на спинку, даже не сняв грязных сапог. – Кто опоздал, тот не выбирает.

– Не моя вина, что дороги размыло, – Элмерик пристроил арфу у входа, снял промокшую куртку, встряхнул её и повесил на гвоздь рядом с чьим то клетчатым пледом в зелёно-жёлтых клановых цветах. Похоже, кто-то из новобранцев был его земляком.

В комнате мальчиков, куда Элмерика направил мастер Дэррек, было на удивление тепло и сухо, несмотря на затяжные дожди. Похоже, тут не жалели дров и топили как следует. Судя по запаху, на кухне совсем недавно готовили варенье или сидр – весь первый этаж пропитался яблочным духом, мёдом, пряностями. От деревенской мельницы Элмерик не ждал особой роскоши. Тем приятнее было, что трёхэтажный каменный дом – почти особняк – оказался большим и добротным, а их комната могла похвастаться толстыми белёными стенами и окном, выходившим в сад. Здесь вполне хватало места для четырёх новобранцев, но кое-кому, похоже, оказалось тесно.

Больше всего на свете Элмерика сейчас хотелось снять мокрые вещи, забраться под одеяло и поспать пару часов после длинной дороги. Не то чтобы ему было важно заполучить место у окна, но сдаваться без боя он не собирался. Поэтому предложил самый простой выход:

– Нас четверо, кроватей тоже четыре – может быть, вытянем спички?

– От-личная идея! – обрадовался другой парень – румяный широкоплечий здоровяк, едва уместившийся на шатком деревянном табурете. – Я с-согласен: так будет честно и никому не обидно. П-правда, Джерри?

Второй сосед был настоящим верзилой – футов восемь с гаком. Элмерик подумал, что если тот встанет, то упрётся головой в потолок. Странно было видеть, как тот смущается и заикается, комкая в руках край очень простой на вид, но пошитой из дорогой ткани рубахи.

– Меня зовут Джеримэйн, тупица! – огрызнулся задира. – Я не давал тебе разрешения называть меня коротким именем! Запомни: хоть ты и Глендауэр, здесь не поместье твоего папочки, и мы тебе не слуги, ясно?

Элмерик невольно присвистнул. Кто бы мог подумать! Единственный наследник самого Глендауэра, лорда Трёх Долин на деревенской мельнице. И как только его отпустили обучаться к Соколам? Или, может, он тоже сбежал, и теперь безутешный отец ищет непутёвого сыночка по всем окрестным лесам и болотам с егерями да гончими? Если так, то вскоре тут может разыграться та ещё семейная драма...

– Т-так разреши. – Глендауэр-младший обезоруживающе улыбнулся. – Боюсь, я не смогу запомнить... клянусь п-пеплом и в-вереском, это не потому, что я п-презираю низкорослых или считаю себя выше д-других.

Элмерик знал, что никто не будет разбрасываться подобными словами. Пеплом и вереском в Объединённых Королевствах клялись с незапамятных времён. Поначалу это была нерушимая клятва чародеев, но потом её стали использовать и простые смертные. Считалось, что если давший такую клятву нарушит её, то тотчас же превратится в прах.

– Сложно ему, гляди-ка! – фыркнул Джеримэйн. – Не привык напрягаться и думать головой? Это потому, что вам, богатеям, с детства всё слишком легко достаётся.

– П-п-прости, если я чем-то задел т-тебя... – Сын лорда опустил взгляд и покраснел до кончиков ушей. От волнения он стал заикаться сильнее, а его глаза предательски заблестели. Элмерику показалось, что тот сейчас расплачется от обиды. Несмотря на свои внушительные размеры, этот Глендауэр выглядел совсем безобидным, простоватым и уж никак не заносчивым.

А барды, как известно, не должны оставаться в стороне, когда на их глазах творится несправедливость.

– Тебе бы самому поучиться манерам, Джерри, – процедил Элмерик сквозь зубы. – Слышал, небось: даже гадюка – и та жалит, лишь когда на неё нападают. А ты, выходит, хуже гадюки.

Он подошёл к кровати, на которой развалился Джеримэйн, взял его холщовый мешок с пожитками и сбросил на пол. Задира от негодования аж побагровел. В следующий миг он спрыгнул с кровати и шагнул к Элмерику, сжимая кулаки.

– Кто это у нас тут растягвался!

– Выбирай выражения!

– А то что?

– А то получишь! – выдохнул Элмерик. Он не любил драться, но иногда иначе не получалось.

Джеримэйн замахнулся, но ударить не успел. Четвёртый новобранец, всё это время стоявший у окна, вдруг оказался совсем рядом и перехватил его кулак.

– Перестаньте. – Его голос прозвучал негромко, но веско. – Или хотите вылететь из отряда в первый день, даже не начав учиться?

Элмерик утёр вспотевшее лицо рукавом рубахи. Его щёки горели огнём, а на коже особенно ярко проступили веснушки. Это же надо было забыть о правилах? К счастью, он не только вспыхивал, как сухая щепка в камине, но столь же быстро остывал, поэтому первым протянул Джеримэйну ладонь:

– Давай не будем ссориться и начнём всё сначала? Я – Элмерик. Будем знакомы.

Джеримэйн насупился. Длинная чёлка закрыла половину его лица.

– Ладно. Руку отпусти, – поморщившись, он помассировал покрасневшее запястье. – Но это не означает, что мы теперь друзья. Лучше не лезь ко мне без особой нужды. Все вы не лезьте.

После короткого небрежного рукопожатия, он поднял с пола холщовый мешок с пожитками и положил его на кровать у окна.

– Эй, а как же жребий? – возмутился Элмерик.

– Да ну его, – четвёртый сосед со вздохом перекинул через плечо медно-каштановую косу. – Ну втемяшилось человеку. Вытянем спички втроём. Только давайте поторопимся, а то скоро ужин. Опаздывать нельзя, иначе оставят голодными – тут с этим строго. Кстати, слышали: сегодня девчонки приехали!

– А зачем на мельнице девчонки? – не понял Элмерик. – Прислуга?

– Ведьмы! – поправил его Джеримэйн.

Ишь, какой умник выискался. А Элмерик и впрямь забыл, что Королевские Соколы принимают не только мужчин, но и женщин.

– Не прислуга, а наши будущие боевые подруги, – с улыбкой подтвердил четвёртый сосед. – Но я бы не стал называть их ведьмами в лицо. Ещё заколдуют. Ну и это просто невежливо.

– А они красивые? – Элмерик не терпелось взглянуть на девчонок.

Но четвертый сосед погрозил пальцем.

– Осторожно, бард. Пока тебя не было, заходил мельник и строго наказал, чтобы никаких интрижек тут. В деревне – пожалуйста, сколько угодно. А если кто вздумает тронуть девицу из Соколят – тому он сразу голову открутит.

– Или не голову, – поддакнул Джеримэйн.

– Этот может. Кстати, я Мартин, – запоздало представился четвёртый сосед, протянув Элмерик узкую мозолистую ладонь.

Мартин был старше других новичков: на вид Элмерик дал бы ему лет двадцать пять. Он носил длинные волосы, по старомодному обычаю собранные в косу. И это ему принадлежал холмогорский плед, висевший рядом с курткой Элмерика.

– Прости, не узнаю твои семейные цвета. Ты с холмов или из долов? – бард был несказанно рад встретить земляка в такой глуши.

– Почти с самых гор. Мэй.

Да, не удивительно, что Элмерик не узнал цвета. Клан Мэев был совсем маленький, даже не имел своего представителя в совете танов.

– Г-говорят, холмогорцы называют нас равнинными кроликами? Это п-правда? – Глендауэр подошёл к ним.

Элмерик кивнул.

– Есть такое. Но ты на кролика не тянешь. Скорее, медведь.

– Ты угадал. М-меня зовут Орсон. Это и означает «м-медведь».

– Я так понял, что у тебя плохая память на имена? Можешь называть меня Рик, если хочешь, – великодушно предложил Элмерик.

При рукопожатии он разглядел на тыльной стороне ладони Орсона нечто необычное. Это были фэды огама – древнего магического алфавита, который чародеи использовали для составления разрешённых чар. Сперва Элмерик подумал, что это татуировки, но, приглядевшись, понял: нет, не татуировки – шрамы. Как странно... Но спрашивать о том, что это и зачем в первый день знакомства было как-то неловко.

Наконец они вытянули спички. Кровать у окна досталась Мартину, остальным пришлось довольствоваться местами у двери. Джеримэйн, следивший за их жеребьёвкой, показал Элмерик язык и уткнулся в книгу. Мартин предложил поменяться, если кто-то хочет, но Элмерик, вздёрнув нос, отказался, а Орсон заявил, что ему с самого начала было всё равно, где спать, и он не понял, почему все ссорились из-за такой ерунды.

Элмерик принялся раскладывать промокшие вещи. Орсон просиял, заметив его арфу.

– Ты нам п-потом сыграешь? Я так люблю музыку. И т-танцы.

– По медяку с человека за вечер, с девиц и детей – полмедяка, – привычно начал Элмерик, но потом мотнул головой. – Ой, чего это я? Для Соколов выступление бесплатное. Кстати, а здесь принято переодеваться к ужину?

– Было бы во что! – усмехнулся Мартин. – Мы всё-таки на мельнице, а не в столичном университете. Так что ни шапочек, ни новых башмаков нам не выдадут. Говорят, ещё совсем недавно у Соколов вообще никакой школы не было...

– А где же прежде обучали новобранцев?

– Да нигде! Потому что не было никаких новобранцев, – снова встрял Джеримэйн. – Любому дураку ясно, что к Соколам с улицы не попадёшь. По крайней мере, до недавнего времени.

– Я тоже об этом слышал, – закивал Мартин. – Говорят, мы с вами первые, кого Соколы взялись обучать. А раньше брали только опытных чародеев.

– Хотел бы я знать, п-почему? – нахмурился Орсон.

На этот вопрос не нашлось ответа даже у всезнайки Джерри. Мартин тоже пожал плечами.

– Мельник говорит, не нашего это ума дело. Ничего, рано или поздно всё тайное становится... – протяжный звон колокола не дал ему договорить.

– А в-вот и ужин! – Орсон вскочил, едва не опрокинув табурет.

– Рано радуешься. Вот увидишь: сперва нас накормят нудными наставлениями, – Джеримэйн отложил книгу и широко зевнул. – Скукота.

Элмерик был с ним не согласен. Он сам чуть ли не приплясывал на месте от предвкушения. Начиналась новая жизнь, и пока ему всё нравилось. За исключением вредного соседа. Но мало ли? Может, парню в жизни досталось, вот он и стал таким озлобленным. Когданибудь отгадет. Или нет – тут уж как повезёт... А сейчас Элмерика заботили вопросы поважнее. Например, что здесь подают на ужин? Будет ли эль? Ведь сегодня канун Лугнасада, большой праздник. Ну и самое главное: хороши ли собой девчонки, о которых говорил Мартин? Всё это нужно было выяснить – и как можно скорее!

* * *

К ужину новобранцы столпились в зале на втором этаже. Запах жареного мяса (неслыханная роскошь!) смешивался с запахом растопленного воска. В камине потрескивал огонь, на каменных стенах плясали причудливые тени.

Несмотря на то, что Элмерик так и не встретил в доме слуг, стол был уже накрыт, а пол – вычищен до блеска. Широкую каминную полку украшали склянки, похожие на алхимические. Только сейчас в них были не зелья, а ячменные и пшеничные колосья, перевязанные бумажными лентами с длинными огамическими надписями. На стене красовался огромный венок, сплетённый всё из тех же колосьев – символ грядущего Лугнасада. В противоположных концах залы висели две отчеканенные в меди картины. На первой хищно раскинул крылья огромный сокол, а на второй к небу взмывал ворон.

Признаться, Элмерик был немного разочарован, когда понял, что в кувшинах налит не эль или сидр, а обычный сливовый компот. Зато, помимо мяса, им предложили кучу всякой снеди: хлеб, яйца, кашу и свежие яблоки.

Ну, то есть, как «предложили»... вообще-то, их никто не встретил. В зале не было ни души.

– А м-можно уже есть или ещё нет? – Орсон слотнул слюну.

Мартин, Джеримэйн и Элмерик, не сговариваясь, пожали плечами.

Девушки появились чуть позже. Их было трое. Они вошли, поклонились, чинно расселись и тоже замерли в нерешительности.

Повертевшись на скамье, Орсон выдохнул и потянулся за хлебом. Остальные только этого и ждали – разом накинулись на угощение. Некоторое время были слышны лишь стук ложек о тарелки и негромкие просьбы передать на другой конец стола что-нибудь вкусненькое. Утолив голод, новобранцы расслабились начали болтать.

– Б-болотные б-бесы, как же она хороша! – выдохнул Орсон на ухо Элмерику.

– Кто? Тыквенная каша?

– Да нет же, д-девушка.

– Которая? – немного обеспокоенно уточнил бард.

Несмотря на угрозу мельника (а, может, во многом благодаря ей), он рассмотрел девушек довольно внимательно. Нет, не чтобы нарушить запрет и с треском вылететь из отряда. Но никто не запрещал ему служить прекрасной даме и воспевать её?

В общем, ему тоже приглянулась одна красавица. И хотелось надеяться, что они с Орсоном не станут соперниками.

– Та, что с цепью на руках, – мечтательно улыбнулся Орсон.

– Ты хоть знаешь, что означают оковы, недотёпа? – Джеримэйну опять не давали покоя чужие разговоры.

Какой же он раздражающий! Пытается выставить себя умником, а сам ножом пользоваться не умеет: хватает мясо прямо руками, невежа!

– А м-мне всё равно! Что б-бы ни значили.

Мартин одобрительно хлопнул Орсона по плечу, а Элмерик с облегчением выдохнул: не та!

Девушка в оковах его, скорее, пугала: слишком мрачным и настороженным был взгляд её тёмных глаз. Тощая, с неровно подстриженными волосами, торчащими из-под капюшона (странным, даже за столом не сняла), она напоминала Джеримэйна в юбке, что напрочь отбивало всякую охоту с ней связываться. Да и в цепи жителей Объединённых Королевств просто так не заковывали. Особенно в такие: тяжёлые, сплошь исписанные фэдами, которые без помощи чародея не снять. Элмерик знал: они не для обычных воришек. Для смертников.

Справа от преступницы сидела и с аппетитом лопала кашу красotka в теле, которая подошла бы Орсону больше. По крайней мере, они неплохо бы смотрелись вместе. Рослая, голубоглазая, по-деревенски ширококостная, с внушительной грудью и крупноватыми, но вполне миловидными чертами лица. Её льняную копну вьющихся пушистых волос украшал веночек из полевых цветов. Смех девушки был громким, если не сказать вызывающим, но манеры – дело наживное.

Третья девушка в голубом платье сидела немного поодаль, и Элмерик готов был поклясться, что в жизни не встречал никого милее. Узкие запястья, тонкие пальцы, сдержанная грация, изящный наклон головы, светлые волосы такого ровного цвета, что поневоле задумаешься о родстве с эльфами. И хоть красавица сидела в тени, но её ясные глаза, казалось, смотрели прямо в душу.

Элмерик любовался ею, как любят картины или облаками, подсвеченными закатным солнцем. Вот не бард он будет боле, если не напишет ей балладу!

Девушка, заметив его интерес, едва заметно улыбнулась. Вот он, подходящий момент для знакомства. Элмерик пихнул Мартина в бок, намекая, что им неплохо бы поменяться местами, но тут кто-то постучал тростью об пол.

– Попрошу внимания!

Элмерик не понял, когда в дверях залы возник этот сухопарый дядька, похожий на грифа. Схожести с птицей добавляла чёрная шапочка алхимика. Некогда красивое лицо избороздили глубокие морщины, кожа была покрыта старческими пятнами, а на заострившихся скулах казалась тонкой, как пергамент. Глубоко посаженные глаза цепко и оценивающе смотрели из-под седых бровей. От этого взгляда барду захотелось втянуть голову в плечи, а лучше и вовсе сделаться невидимым. На вид “грифу” было за шестьдесят, но, несмотря на солидный возраст, немощным он вовсе не выглядел.

– Меня зовут Патрик Мэй, но вы можете называть меня мастер Патрик. Я – хозяин этой мельницы. С сегодняшнего дня и до самого Самайна я буду одним из ваших наставников. Прошу прервать трапезу и выслушать меня очень внимательно. Дважды я повторять не буду, – он говорил с явным холмогорским акцентом.

– Хм... Мэй. Мартин, никак твой родич? – шепнул Элмерик.

Тот пожал плечами.

– Есть Мэи с гор, с холмов и из долов. Все холмогорцы так или иначе друг другу родня.

Мельник, шикнув на них, прошествовал к креслу у камина, опираясь на трость и припадая на левую ногу. Элмерик заметил, что башмаки у него были разными: один наверняка сделали на заказ.

– Это большая честь – быть принятыми здесь. Кто не будет выказывать должного прилежания, никогда не станет Соколом. Не прошедший Испытание, возможно, лишится жизни или того хуже – рассудка. Опасности будут угрожать вам каждый день. До конца могут прийти не все. Сейчас есть последняя возможность встать и уйти. Выход там, – мастер направил набалдашник своей трости в сторону двери и замер, выжидая. На его руке Элмерик приметил перстень с головой сокола, в точности такой же, как у мастера Дэррека.

Никто, конечно же, не ушёл. Джеримэйн с интересом изучал изрезанную ножами поверхность дубового стола, Мартин в привычном жесте сложил руки на груди, а Орсон ещё раньше успел запихать в рот ломоть хлеба и теперь, похоже, решал, прилично ли будет жевать его перед носом у мастера Патрика, или лучше поднатужиться и проглотить весь кусок целиком. Похожая на кошку девица звякнула своей цепью, намекая, что идти ей некуда. Прекрасная леди опустила взгляд, а деревенская красотка заявила:

– Не извольте сомневаться-та, господин мельник, среди нас трусов не водится! Как-никак знали, на что идём-та.

– Ценю твоё рвение, Розмари, однако впредь попрошу без моего разрешения не высказываться, – мельник вытянул больную ногу поближе к огню. – Что ж, тогда перейдём к распорядку. Подъём, отбой, время завтрака, обеда и ужина, равно как и время начала занятий, вещает колокол. Опоздавшие к трапезе остаются голодными. Опоздавшие к занятиям строго наказываются. Наказание определяю я или другой наставник. После заката запрещено выходить за пределы защитного круга, спускаться с холма или ходить в деревню без спроса. Если же случилось так, что после заката вы оказались в деревне, проситесь переночевать там и возвращайтесь с рассветом. Ясно?

Все закивали, а Орсон громким шёпотом уточнил у Мартина:

– Это п-потому, что в округе п-полно зловредных фейри?

– Это потому, что в округе полно того, что находится за гранью вашего понимания! – прогремел мастер Патрик, вставая. – И по ночам оно становится особенно опасным.

– П-простите... – Орсон почесал голову, будто бы учитель отвесил ему подзатыльник.

– Помните, что вы пока ещё Соколята, а не Соколы. Вам предстоит научиться многим вещам, о которых вы раньше и помыслить не могли. После Испытания каждый из вас получит перстень. Но пока я наделю вас особым знаком. Подойди сюда, юноша. – Мельник указал тростью на Элмерика.

Колени задрожали. Под ложечкой засосало от волнения. Но показывать страх было нельзя – засмеют. Джерри первым же будет... Бард встал, сделал несколько шагов на ватных ногах, остановился прямо перед мастером Патриком и, запоздало вспомнив о вежливости, поклонился. Тот протянул руку, словно собираясь потрепать ученика по щеке, и в этот миг Элмерик почувствовал сильное жжение там, где пальцы мельника коснулись его кожи. Будто бы к щеке приложили тлеющий уголёк. Он крепко сжал зубы, чтобы не вскрикнуть. Когда слёзы уже готовы были брызнуть из глаз, боль вдруг стихла, как ни бывало. Он невольно схватился за щёку, но не ощутил ничего, кроме лёгкого тепла и покалывания.

– Добро пожаловать на мельницу, Элмерик Лаверн, – мастер Патрик улыбнулся впервые за этот вечер, но тут же посерьёзнел. – Следующий!

Орсон наклонился, чтобы мельник смог до него дотянуться, и выдержал боль, не дрогнув. Наверное, тоже не хотел показать слабинку перед девчонками. На его правой скуле прямо под глазом проступило красноватое изображение сокола. Будто родимое пятно. Совсем небольшое, размером с серебряную монету.

Мастер Патрик, заметив озадаченные взгляды, пояснил:

– Этот знак будет охранять вас, когда меня не будет рядом. От всего на свете он не защитит, но поможет вам противостоять чарам младших фейри из Чёрного леса. Добро пожаловать, Орсон Глендауэр. Следующий!

Джеримэйн и Мартин также стоически перенесли обжигающее прикосновение. Последний лишь с усмешкой уточнил:

– А шрам не останется? Я не уверен, что такое украшение мне к лицу.

– Магические метки после снятия не оставляют следов. В отличие от зубов и когтей болотных бесов, которые любят лакомиться всякими глупцами, – отрезал мастер Патрик.

Элмерик отметил, что, приветствуя Джеримэйна и Мартина, мастер назвал лишь личные имена, не упомянув родовых. С задирой было всё понятно: он принадлежал к самому низшему сословию, им не положено. А вот Мартин... неужели из клана изгнали?

Низкородённой оказалась и Розмари. Почувствовав боль, она охнула, из глаз брызнули слёзы вперемешку с угольной сажей, но Элмерик понимал: стоит кому-нибудь сейчас посмеяться над этим – и Розмари устроит насмешнику суровую взбучку.

Келликейт – девушка в цепях – родового имени также удостоена не была, но тут дело было вовсе не в происхождении. Смертники отказывались от всех родственных связей, чтобы не позорить семью ещё больше. Делить кров с преступницей было тревожно, но Элмерик рассудил, что, будь Келликейт предательницей короны или убийцей, Соколы вряд ли стали бы спасать её от правосудия. А ещё он слышал, что тем, кому посчастливилось стать королевскими ловчими, Его Величество мог даровать новое имя, рыцарство и даже титул.

Нежную красавицу, которой так восхищался Элмерик, звали Брендалин Блайт. Уже после ухода мастера Патрика он осмелился подсесть к ней и предложить свой платок, чтобы промокнуть слёзы.

– Пятно очень заметное, да? – всхлипнула девушка, не отнимая ладонь от щеки.

– Нет, что ты. Сокол совсем маленький. Почти как мушка. И очень тебе идёт. Кстати, ты сама откуда?

– Я родилась в Медовых Лугах, потом жила в Каэрлеоне. С дядей. Он известный алхимик и кое-чему меня научил. Думаю, поэтому меня и взяли к Соколам.

– А где же твои родители?

– Матушка покинула этот мир, когда я была совсем маленькой. А отец... я ничего про него не знаю. Наверное, он умер ещё раньше.

– Прости, – смутился Элмерик. – Я спросил, не подумав. Не хотел беречь твои раны.

Его бурная фантазия уже развернулась во всей красе. Наверное, его красавица была незаконнорожденной. А вдруг её отец – сам король? Это объяснило бы и царственную осанку, и удивительный белокурый цвет волос. Не нынешний, конечно. Артур Девятый и сам ещё был молод. Но, например, его отец...

– Ничего, я не в обиде, – Брендалин пригубила компот. – Я не слишком горевала по матери, потому что почти не помню её. Зато дядя был очень добр. Он разрешал помогать ему в мастерской, так что я неплохо разбираюсь в травах и снадобьях. Если у тебя что-то заболит, обращайся.

– О, у меня болело сердце. Но ты излечила его одним взглядом, – почти пропел Элмерик.

– Ты забавный. Я слышала, все барды – жуткие льстецы.

– Поверь, я не из таких. Говорю только то, что вижу.

Его одарили новой благосклонной улыбкой. Это воодушевляло.

– А ты случайно не бывала на поэтических состязаниях в Каэрлеоне? Я там победил в прошлом году.

Брендалин покачала головой.

– Нет, я всё время работала в лавке. Но надеюсь однажды услышать как ты поёшь. Я очень люблю музыку.

– А танцевать любишь?

– Да, очень.

– А я вот тоже люблю музыку и танцы-та, – Розмари ткнула Элмерика в бок. – Особенно холмогорские.

Бард скрипнул зубами. Ну кто её спрашивал? С другой стороны, за общим столом любой мог слышать, о чём они говорят, и поддержать беседу. Ничего зазорного в этом не было. Оставалось надеяться, что однажды у них с Брендалин получится уединиться.

– М-может, сыграешь? – Орсон молитвенно сложил свои огромные лапищи. – Праздник, всё-таки.

– А можно? – засомневался Элмерик. – Этот мастер Патрик жуть какой суровый. Приковыляет, влепит нагоняй...

– Хочешь, я сбегаю к нему и спрошу? – Мартин вскочил с места.

– Ого, ну ты и смельчак! Ну, сбегай, если не шутишь.

Всё равно учёба начнётся только завтра, а сегодня вечером почему бы не отметить их знакомство и начало новой удивительной жизни?

Мартин и впрямь обернулся очень быстро. Из каморки под самой крышей он принёс не только великодушное разрешение, но и увесистый бочонок эля.

– Эгей, смотрите, что у меня есть! Наставник велел выпить за его здоровье, но не напиваться.

И веселье началось.

Тем вечером Элмерик вдоволь напелся и наигрался до боли в пальцах. Жаль, что, кроме него, никто не был обучен музыке, поэтому потанцевать с прекрасной Брендалин ему так и не довелось. А вот Мартин, напротив, отплясывал с ней слишком часто.

Келликейт, подобрав цепь, попробовала станцевать холмогорскую джигу, но уже на втором круге не удержала тяжёлые звенья, споткнулась. К счастью, Орсон успел подхватить её до того, как девушка упала.

– Так. Вы развлекайтесь, а мне пора спать, – она поблагодарила Орсона кивком и ушла с непроницаемым лицом, но Элмерик подозревал, что на душе у неё скребут кошки.

Был и ещё один человек, не принимавший участия в общем веселье. Джеримэйн сидел в углу с мрачным видом и смотрел на остальных, попивая компот. Даже к подаренному элю не притронулся. Элмерик заподозрил, что кое-кто просто не умеет танцевать. Ха! Так ему и надо.

Они закончили кутить лишь под утро, когда за окном запели ранние птички. До подъёма оставалось не более пары часов, и бард не без сожаления убрал арфу в чехол.

– Можно я провожу тебя до комнаты? – тихо спросил он у Брендалин.

– И меня тоже проводи-та, – хохотнула Розмари.

Да что ж такое! Опять она лезет!

Элмерик хотел попросить кого-нибудь из приятелей отвлечь назойливую девицу, но ему и тут не повезло. Орсон вырубился прямо за столом, и Мартин с Джеримэйном как раз прикидывали, как будут тащить его до кровати. Кто мог подумать, что такому большому парню достаточно будет всего пары кружек, чтобы опьянеть?

Не дождавшись помощи, Элмерик проводил обеих девушек и пожелал им доброй ночи.

– И тебе доброй ночи, бард, – Брендалин вернула ему платок. – Надеюсь, мы сможем однажды повторить этот дивный вечер.

– Хотелось бы. Особенно, если будут ещё музыканты. Потому что я хотел бы потанцевать с тобой, – он прижал платок к сердцу.

– Зачем нам другие музыканты-та? – удивилась Розмари. – Я не встречала никого, кто играл бы лучше тебя. А уж я-та разбираюсь! Ты мог бы заткнуть за пояс добрую половину именитых арфистов всех Трёх Долин.

– Приятно слышать, – Элмерик ответил довольно сдержанно.

Слова Розмари согревали душу, но неужели она не понимает, что помешала? Впрочем, надо быть снисходительным. Все они сегодня немного перебрали...

– А вот мне не очень приятно, – раздался раздражённый голос Келликейт. – Идите уже по кроватям, болтуны, и не мешайте добрым людям смотреть добрые сны.

* * *

Как ни странно, после такого напутствия сны действительно оказались добрыми.

Едва упав на подушку, Элмерик увидел зелёные луга, поросшие клевером и колокольчиками – нежно сиреневыми и фиалковыми, как глаза его прекрасной леди. На лугу паслась белоснежная лошадь, никогда не знавшая седла – явно фейских кровей. Брендалин сказала, что хочет покататься, но глупое животное шарахалось от неё, никак не даваясь в руки. Тогда Элмерик накинул уздечку на голову лошади, успокоил её ласковыми словами, а потом протянул руку своей леди. Но стоило Брендалин вскочить ей на спину, все колокольчики на лугу зазвенели. А из под зелёного холма донеслось чарующее пение:

– В свой срок желтеют листья на дубу и ягоды на падубе алеют. Кто струсит – не найдёт свою судьбу, а тот, кто не отступит – преуспеет.

Элмерик моргнул – и всё исчезло. Только уже знакомый, громкий до боли в висках колокол возвещал, что пора вставать, заправлять постель и собираться к завтраку.

Глава вторая

После Лугнасада наконец-то распогодилось, дожди почти прекратились, дороги подсохли. И пусть над Чёрным Лесом каждый день ходили тяжёлые тучи, иногда сквозь них всё же проглядывало тёплое летнее солнце. Ночами вдалеке ворчал гром и в небе полыхали зарницы, а по утрам макушки елей окутывала туманная дымка. Осень в этом году обещала быть ранней.

Жизнь в Чернолесье была странной и непривычной. Ночами за оградой выли волки (хотелось надеяться, что это именно волки, а не кто-нибудь похуже), в шуме деревьев часто слышался невнятный шёпот, а меж ветвей то и дело вспыхивали зеленоватые огни.

После завтрака мастер Патрик отводил учеников наверх – в комнатку под крутым скатом крыши, служившую библиотекой. Здесь было душно и пыльно, по углам свисали клочья паутины; но даже постоянный шум мельничного колеса мешал меньше, чем жужжание многочисленных мух.

Учёба всё больше разочаровывала. Элмерик провёл на мельнице уже целых пять дней, но ещё не выучил ни единого заклинания. Свитки мастера Патрика казались нудными до зубного скрежета. В одних были старые легенды и сказки для детей, в других рассказывалось о многочисленных деревьях Чёрного леса. Так, Элмерик узнал, что ежевика даёт чародею хитрость, а орешник – мудрость, но ни один из текстов не объяснял, как их можно заполучить. Ни особых слов, ни рецептов для волшебного отвара – ничего.

Когда закончились деревья, начались птицы. Затем они принялись заучивать названия самых известных замков (которые любой образованный человек и так знал), а также старых крепостей, давно разрушенных до основания, а может, и вовсе никогда не существовавших в этом мире (бессмыслица какая-то). Причём, названия следовало зубрить не только на наречиях Объединённых Королевств, но и на эльфийском, который мало того, что считался почти мёртвым (люди давно не видели живого эльфа, говорившего только на родном языке), так ещё был и весьма сложным для произношения. А мастер Патрик постоянно придирался.

После обеда он раздавал Соколятам самые обычные поручения: одних отправлял в сад лекарственных трав на полив и прополку, другим велел чистить и вычёсывать лошадей (работа на конюшне пришлась Элмерiku по душе, особенно ему нравилась небольшая пегая лошадка по кличке Оляха), третьих посылал в деревню с поручениями. Например, забрать у кузнеца свёрток и, конечно, не сметь в него заглядывать на обратном пути. Иногда нужно было сопроводить телегу с мешками: местные жители расплачивались едой за помол и «иные услуги», о которых говорили только шёпотом. За пару таких визитов Элмерик убедился, что в Чернолесье мастера Патрика очень уважали, хотя и побаивались, за глаза называя «колдуном с мельницы».

Новобранцы брались за поручения неохотно, и, хотя спорить с наставником никто не осмеливался, недовольство росло с каждым днём.

Одна лишь Розмари чувствовала себя как рыба в воде. Она вставала ещё до утреннего колокола, вместе с пением петухов. Подвязав непослушные волосы платком, шла к колодцу за водой, по дороге поднимала с тропинки напáдавшие за ночь яблоки и собирала в курятнике свежие яйца. Дома она подметала полы, выгребая из всех щелей мучную пыль. В самые первые дни умудрилась до блеска отмыть в ручье все старые засаленные котлы, оттереть от кухонных стен печную сажу и начистить каминную решётку так, что та засияла, как новенькая.

– Ты не обязана это делать, – сказал мастер Патрик вместо благодарности. – На мельнице и без тебя есть, кому заниматься хозяйством.

И Розмари страшно обиделась.

– Ваша прислуга дела своего не знает: вона сколько грязищи-та оставляет! И готовит-та невкусно – простите, мастер, но это так! Я могу лучше.

Мельник хотел было возразить, но махнул рукой:

– Хочешь – делай. Только не жалуйся, когда устанешь. Уроки буду с тебя спрашивать так же, как со всех.

Вечером оказалось, что Розмари ничуть не хвасталась, а, напротив, преуменьшила свои таланты. Ужин удался на славу, и даже мастер Патрик, который всегда ел один в своей комнате, дважды возвращался за добавкой. А на следующий день Элмерик и сам проснулся до звона колокола от умопомрачительного запаха свежих пирогов...

Мало помалу быт наладился, дни шли своим чередом. Однако к концу первой недели Джеримэйн (кто же ещё!) взбунтовался.

– С меня хватит! – Он зашвырнул свиток в дальний угол библиотеки. – Мои книжки и то толковее! Там хоть заклинания есть, а это что? Пустышка!

– Кстати, а откуда ты их взял?

Обычно Элмерик старался не заговаривать с Джерри первым – многовато чести. Но книги по магии с самого первого дня вызвали жгучий интерес, если не сказать зависть. Джеримэйн читал каждый вечер, дожигая огарки свечей, которые собирал за ужином. Книги наверняка стоили целое состояние. Откуда нищему мальчишке их взять? Не иначе спёр где-то.

– Что, Рыжий, завидки берут? Где взял, там уже нет! Но вот что я вам скажу: может, этот мастер Патрик что-то и умеет, но учитель из него никудышный. Мы пришли, чтобы стать Соколами. А ломаем языки об эльфийский, будь он неладен!

«Ну, точно украл», – подумал Элмерик. В остальном же он был согласен с Джеримэйном. Он тоже ожидал совсем другого – сам до конца не понимал, чего именно. Не героических подвигов с первых дней, конечно. Но и не такой всепоглощающей скуки.

– Ой, можно подумать, тебя тут прям мучают-та! – Розмари подняла свиток, отряхнула его от пыли и, разгладив края, положила на стол. – У тебя есть крыша над головой, вдоволь еды, серебряк в неделю, да ещё и свободное время-то остаётся, чтобы сказки почитать. Али плохо?

– Ты глупая, тебе не понять.

– Ох, куда уж нам-та, убогим-та! Только господин Джеримэйн у нас умный, книжки читает, – щёки Розмари зарделись; может, она не хотела показывать, но обидные слова её всё-таки задели.

– А я удивлён, что ты вообще читать умеешь. – Думал, в свинарниках этому не учат.

– Ну и что с того, что мать моя была свинаркой-та! Твой папаша, небось, тоже не король, – сжав кулаки, Розмари нависла над обидчиком, но тот даже ухом не повёл. – Скоро я стану важной чародейкой, а ты не сегодня, так завтра вылетишь вон.

– Я. Просто. Хочу. Учиться. Больше ничего. – Джеримэйн на всякий случай отодвинулся от неё подальше. Понимаешь ты? Не жрать досыта. Не сказочки читать. Не зарабатывать серебряк в неделю. А это – не учёба, а какое-то проклятие!

– Похвальное намерение, юноша, – вкрадчиво произнёс над ухом невесть откуда взявшийся мастер Патрик, привычно поправляя свою чёрную аптекарскую шапочку.

Несмотря на увечье, он умудрился подкрасться так тихо, что на шаткой лестнице не скрипнула ни одна ступенька, а тяжёлая трость ни разу не стукнула о дощатый пол.

Услышав его голос, Соколята подпрыгнули, как по команде. Розмари ахнула, всплеснув руками, Орсон, Мартин и Брендалин поднялись, приветствуя наставника, Элмерик последовал их примеру, и лишь наглец Джеримэйн остался сидеть.

Никто не знал, как долго наставник простоял за спинами учеников и что именно успел услышать. Поэтому бунтарь Джеримэйн решил, что терять ему нечего.

– Скажите, мастер, а нас здесь будут учить хоть чему-то стоящему?

Он пытался вести себя как ни в чём не бывало, но Элмерик видел, что спокойствие даётся ему большой ценой.

Мастер Патрик в ответ на этот выпад по-птичьи склонил голову, что сделало его похожим на очень удивлённого грифа.

– А что ты считаешь стоящим? Расскажи, а мы внимательно послушаем. – Он придвинул себе стул и, усевшись, переплёл руки на груди.

Джеримэйн, подумав, всё-таки встал, пригладил пятернёй длинную чёлку и вытер вспотевшие ладони о штаны. Движения его были резкими, дёргаными. Он понимал, что ходит по грани, но отступить не собирался.

– Я думал, Соколы – могущественные чародеи...

– Это так, – подтвердил мастер Патрик, пальцами настукивая по своему предплечью какой-то замысловатый ритм.

– Ещё я слышал, что Соколы не гнушаются запретной эльфийской магии, потому что на королевской службе все средства хороши. – Джерри немного ослабил шнуровку на вороте рубашки. Ему не хватало воздуха, несмотря на то, что все окна в библиотеке были открыты.

– И это правда. Королевский указ, запрещающий дикую магию, на нас не распространяется. Не бойся, руки Ордена Искупления сюда не дотянутся. Они нас, скажем так, опасаются.

По кривой усмешке мастера Патрика Элмерик понял: любой, кто встанет на пути у этого пожилого чародея, горько об этом пожалеет; Джерри играл с огнём.

Указ о запрете эльфийского колдовства был издан не нынешним королём, и даже не предыдущим. Это случилось очень давно, ещё во время царствования Артура Шестого. В те далёкие дни и появился Орден Искупления, ревностно следивший за выполнением королевской воли. Преступников ловили, судили и всегда строго наказывали. И всё равно из года в год ведьмы и колдуны осмеливались нарушить строгий запрет.

Признаться, прежде Элмерик не задумывался, кто такие Соколы на самом деле. Бесспорно, чародеи, воины и герои... Но ещё они – самые опасные люди во всех Объединённых Королевствах. Даже те, которые выглядят безобидно вроде милого толстяка мастера Дэррека...

Любой чародей больше всего на свете страшился привлечь внимание Ордена Искупления – доказывая потом, что занимался только разрешённым колдовством. И надо же: ужасный Орден боялся Соколов! Это известие Элмерика немало повеселило и к тому же кое-что прояснило. Например, ему стало понятно, зачем мастер Дэррек задавал вопросы о дикой магии: поговаривали, будто бы способности к ней передаются по наследству, как и к чаропению.

Кстати, с певческими закланиями у Ордена поначалу вышла загвоздка. Они долго не могли решить, какую магию используют барды: разрешённую человеческую или запретную эльфийскую. Но, к счастью для Элмерика, ещё задолго до его рождения Орден великодушно позволил бардам использовать их чары, если те смогут снискать благословение от гильдии.

– Я ничего не боюсь! – яростно выдохнул Джеримэйн. – Если хотите знать, я тайком учился запретной магии и уже кое-что умею. А в ваших свитках даже разрешённым колдовством не пахнет.

– Вот как... – всё с той же недоброй улыбкой протянул наставник. – Я верно расслышал, ты привёз с собой книги?

– Ну да. А что такого? Мы же чародеи.

– Сдай их мне. Я сложу книги в сундук и запру на ключ. Обещаю: когда ты будешь готов, я отдам тебе их вместе с сундуком. Может, даже добавлю от себя кое-что. А пока заруби на носу: прежде, чем познавать колдовство, тебе нужно научиться терпению. Его у тебя пока маловато.

Джеримэйн в отчаянии огляделся по сторонам, ища поддержки. Но никто из Соколят не спешил поддержать бунтовщика.

Элмерик не удержался от ехидного смеха – и тут же получил в награду два гневных взгляда: один от Джеримэйна, второй от мастера Патрика.

– Не смейся. Ты ничем не лучше. Никто из вас. Как только я увижу хотя бы зачатки терпения, непременно приглашу сюда других наставников. Мастер Флориан будет преподавать вам огам, мастер Шон расскажет о дикой магии. И если думаете, что сможете обойтись без

эльфийского языка, то, уверяю, вы сильно заблуждаетесь. Мастер Дэррек поведаёт всё об окружающем мире, населяющих его существах и обычаях, которые нужно соблюдать.

– Как интересно... А что будете преподавать вы? Наверное, что-то очень важное? – в глазах Брендалин вспыхнул огонёк восхищения.

Её лезть было довольно очевидной, но суровый мельник вдруг оттаял и улыбнулся.

– Я научу вас различать травы. А ещё – создавать амулеты и зелья. Кое с кем мы займёмся проклятиями: к подобной магии способности, увы, есть не у каждого. Впрочем, то же можно сказать и про чародейство в целом: душа либо лежит к чему-то, либо нет. И нам важно будет отыскать то, в чём вы особенно талантливы.

– А к-как же в-волшебное оружие? – несмело спросил Орсон. – Я учился фехтованию дома. Мне сказали, что здесь можно б-будет п-продолжить...

Мельник ответил не сразу. Некоторое время он задумчиво рассматривал руки гиганта, испещрённые магическими символами.

– Волшебное оружие признаёт далеко не всех, но у тебя с ним, скорее всего, сложностей не возникнет. Твой наставник по фехтованию... он сейчас немного занят. Придёт время, и вы с ним познакомитесь. Главное – терпение, помните? Ещё вопросы?

Все молчали, и мастер Патрик, коротко кивнул и ушёл, уведя за собой поникшего Джеримэйна. Когда за ними закрылась дверь, Элмерик рухнул обратно на лавку.

– Уф! Знаете, а мне даже жаль Джерри... Хоть мы и враги, не хотел бы я сейчас быть на его месте.

– Он тебе не враг, – покачал головой Мартин, присаживаясь рядом. – Соперник – ещё куда ни шло. В соперничестве нет ничего дурного. Бывает, хочешь превзойти кого-то – и сам становишься лучше, сильнее. А ты как считаешь, Орсон? Среди нас есть враги?

Здоровяк покачал головой:

– Н-нет, конечно, н-нет.

Элмерик вяло улыбнулся. Хотелось верить, что это так, но он помнил, с какой злобой Джеримэйн смотрел на него и сейчас, и тогда, при знакомстве. И вот результат: сегодня никто не поддержал задиру. Даже Мартин. Не зря говорят: что посеешь, то и пожнёшь.

– Я тоже думаю, что мы можем соперничать и не становиться при этом врагами, – согласилась Брендалин. – Но Элмерику не нужно стараться, чтобы стать лучше Джеримэйна. Он и без того хорош.

От этих слов бард залился краской. Смущение сыграло с ним злую шутку. Он отвёл взгляд всего лишь на мгновение, но именно тогда Брендалин потянулась к верхней полке за новым свитком и споткнулась о шаткую половицу. Она бы наверняка упала, если бы Мартин не подхватил её, приобняв за талию, и не усадил на лавку.

– Эй, осторожнее.

Всё произошло так быстро, что никто не успел даже испугаться, однако теперь Элмерик не знал, как избавиться досады. Он мог спасти свою прекрасную леди, но упустил шанс. А Мартин успел. Спасибо, конечно, что Брендалин не пострадала, но... не слишком ли он быстрый? Придётся теперь смотреть в оба, как бы приятель не оказался проворнее, чем следует.

– Благодарю, – Брендалин достала из кармашка передника флакон с нюхательной солью. – Не понимаю, что на меня нашло. Я такая неловкая. Теперь ещё и дурно.

– Ты не заболела? – испугался Элмерик. – Может, лучше прилечь?

– Да, пожалуй. Свитки подождут, – Брендалин осторожно встала. – Кто-нибудь может проводить меня до комнаты? Там такая крутая лестница...

Мартин и Элмерик, не сговариваясь, оба протянули ей руки. Девушка рассмеялась и, чтобы сгладить неловкость, приняла помощь от обоих. Бард скрипнул зубами от злости, а Мартин, похоже, не заметил его ревнивого взгляда. Ну, или сделал вид.

По дороге туда они не сказали друг другу ни слова, а на обратном пути Элмерик не слишком церемонясь, толкнул Мартина в тёмный угол под лестницей.

– Давай поговорим.

Лучше было прояснить всё, пока это не зашло слишком далеко. Элмерiku хватало и одного соперника на мельнице – не хотелось бы заводить второго. Тем более Мартин ему даже нравился. Он был человеком приятным и участливым. Его шутки не раз заставляли Соколята смеяться до упаду. Не пытался бы он лезть в чужие сердечные дела – цены бы ему не было!

– Ты чего? – Удивление Мартина было настолько искренним, что Элмерик даже смутился: может, тот и впрямь не хотел ничего плохого? Порой галантность можно легко принять за флирт.

В любом случае, им стоило выяснить всё раз и навсегда.

– Что у тебя с Брендалин?

– А что у меня с Брендалин? – глаза Мартина округлились ещё больше.

Он не увиливал, не отводил взгляд, и у Элмерика отлегло от сердца.

– Понимаешь, – выдавил он, переминаясь с ноги на ногу. – Она мне очень нравится...

– Это заметно, – Мартин присел на ступеньку деревянной лестницы. – Ты плохо умеешь скрывать чувства.

– Только ей не говори!

– Не скажу. Хотя, думаю, она уже всё поняла. И не похоже, это её расстроило. Мне кажется, ты ей тоже нравишься.

– Значит, не будешь мне мешать? – Элмерик присел рядом, и Мартин похлопал его по плечу.

– Не беспокойся, приятель. Я тебе не соперник. Подумаешь, пару раз потанцевал с девушкой и поймал, когда она споткнулась. Это ничего не значит.

– А вдруг она подумает, что ты в неё влюбился?

– Ничего она не подумает. Перестань. Мне только твоей глупой ревности не хватало.

Пожалуй, впервые за всё время знакомства Мартин огрызнулся, и тут Элмерiku стало совсем неловко. Такого сдержанного человека разозлил.

– Прости. Тебя что-то гнетёт, да?

– Вроде того. Но это не имеет отношения ни к тебе, ни к Брендалин.

Мартин встал, собираясь уйти, но Элмерик ухватил его за рукав.

– Что у тебя случилось? Если не хочешь, не отвечай, конечно. Просто, знаешь... мне не всё равно. И ты можешь выговориться. Обещаю, я никому не скажу.

Мартин на мгновение задумался, а потом, махнув рукой, вернулся.

– Ладно, давай проясним. Несколько лет назад я нарвался на одно весьма неприятное эльфийское проклятие. Ни одна девушка не сможет ответить мне взаимностью. Ревность бессмысленна. Эльфы коварны. Конец истории.

– И поэтому ты подался к Соколам? Чтобы снять проклятие?

– Разные были причины, – уклончиво ответил Мартин. – Просто на девушек я теперь стараюсь не заглядываться, чтобы не влюбиться ненароком. Это не так уж сложно: сегодня потанцевал с одной, завтра с другой, третьей предложил прогуляться под луной... Можно сказать, я живу в своё удовольствие.

Теперь Элмерик окончательно успокоился. На смену жгучей ревности пришло сочувствие. А ещё – любопытство. «Конец истории», – ага, как же! Он был уверен, что это даже не начало. Им бы сейчас кувшинчик эля сюда, и разговор бы пошёл куда живее.

– А как же любовь?

– А что любовь? Я и в прежние времена не мечтал о семье. Такая жизнь не для меня. Любое проклятие можно обернуть в свою пользу. Оно вовсе не мешает мне проводить чудес-

ные вечера и ночи, о которых приятно вспомнить. Что же до взаимности... можно подумать, что без проклятий каждый её добивается. Мир вообще несправедлив, ты не замечал?

Элмерик со вздохом кивнул.

Ему захотелось написать об этом балладу – грустную, но с надеждой на счастливый конец. Впрочем, сначала нужно было закончить песню, посвящённую красоте леди Брендалин.

История Мартина была поинтереснее многих легенд, которыми их пичкал мастер Патрик. Раз проклятие было эльфийским, значит, Мартин своими глазами видел эльфа? Или, может, эльфийку? Ух ты! И хоть эта встреча дорого ему обошлась, Элмерик всё равно немного завидовал. С самого раннего детства он мечтал хоть одним глазком увидеть кого-нибудь из волшебного народца, но тщетно. Иногда барду даже слышался тихий смех: наверняка это младшие фейри прятались за деревьями и подтрунивали над рыжим босоногим мальчишкой, не способным их обнаружить.

Его размышления прервал встревоженный голос Орсона:

– П-простите... В-вы не в-видели К-келикейт?.. – От волнения он заикался даже больше обычного.

– А? – встрепенулс Элмерик. – Разве её не было в библиотеке? Я не помню. Она всегда так тихо сидит.

– Н-не было. Вы в к-комнату девушек заходили? Н-не видели её?

– Там только Брендалин. – Мартин, помрачнев, поднялся.

Он хотел добавить что-то ещё, но резкий звук колокола оборвал его на полуслове.

– Для обеда рановато, – бард тоже вскочил, подтянув штаны. – Не вышло бы беды...

Мартин рванул вверх по лестнице, и Элмерик с Орсоном бросились за ним следом.

* * *

В зале встревоженных Соколят встретил мастер Патрик. Он выглядел невозмутимым, но выдавал своё волнение постукиванием трости о пол.

– Занятия отменяются. Девица Келликейт пропала!

– Ох, как так-та? – ахнула Розмари. – За завтраком ещё была туточки.

Услышав слова наставника, Орсон побледнел как полотно.

– Это я в-виноват. Не уследил.

– Тебя приставили за ней следить? – удивился Мартин.

– Н-нет.

– Тогда причём тут ты?

– П-притом, что, кроме меня, с ней на м-мельнице никто не общается. Я единственный, к-кому не всё равно.

– Неправда, я общаюсь. Она не маленький ребёнок, чтобы её опекать. И не твой вассал, чтобы быть за неё в ответе.

– Мы м-могли бы раньше заметить, что её нет...

Вот тут Орсон был, пожалуй, прав. С другой стороны – Келликейт сама не горела желанием дружить с прочими Соколятами – стоило ли удивляться, что те не сразу обратили внимание, что она исчезла? А может, на то и был расчёт? Она ведь преступница, могла и сбежать.

– Теперь и я вспомнила: её в библиотеке-та не было поутру, – Розмари закусил губу.

– После завтрака я отправил её собирать травы, но к назначенному часу она не вернулась, – сухо пояснил мастер Патрик. – Согласно нашему договору, девица Келликейт не может покидать мельницу без разрешения, или смертный приговор снова вступит в силу. Отыщите её и доставьте на мельницу до заката. Жизнь этой девушки важна для Его Величества...

– Даже так?! – Элмерик присвистнул.

Вот тебе и драная кошка. Интересно, что связывает её с королём? И за что её вообще осудили?

– Мастер Патрик, а вы отправитесь с нами на поиски? – робко спросила Брендалин.

– Увы, нет, – наставник указал глазами на трость. – И вы представить себе не можете, как это меня удручает.

В его голосе было столько печали, что Элмерик стало не по себе. Судя по всему, увечье мастер Патрик получил не так давно.

– Ничё, ерунда, сами справимся, – Джеримэйн выпятил грудь.

У мельника от этой бравады аж глаз дёрнулся.

– Только не смейте заходить в Чёрный лес. Ищите в поле, в деревне. И с закатом возвращайтесь домой.

– А какой тогда смысл в поисках? Пока мы по огородам бегаем, её болотные бесы три раза успеют сожрать.

– Ты слышал, что я сказал.

– Ладно-ладно.

Как-то он быстро сдался... Элмерик не понимал, почему опасности манят Джеримэйна, словно мотылька огонь. Наставник же ясно сказал: они пока не готовы. Хорошо, что они не стали тратить время на споры. А то до заката оставалось не так уж много времени – около шести часов. Нужно было спешить.

* * *

За четверть часа, пока Соколята шли от мельницы, они едва не перессорились, обсуждая, откуда следует начинать поиски. Орсон бежал впереди, то и дело поторапливая остальных. Ноги у него были длинные, и Элмерик аж запыхался, догоняя. Это постоянное «давайте быстрее» раздражало до зубовного скрежета. Но Элмерик понимал волнение приятеля. Если бы пропала не Келликейт, а, скажем, Брендалин, он вёл бы себя ничуть не лучше.

У Джеримэйна же с пониманием оказалось похуже. На развилке вдруг резко остановился.

– Разделимся тут.

– Хорошая идея, – поддержал Мартин. – Исследуем деревню, поля и холм тремя группами.

– И давайте не будем так галдеть, – Джеримэйн резко обернулся к Розмари, утешающей беднягу Орсона. – Я к вам обращаюсь. Прикусите язык! Если преступница решила залечь на дно, она вас за милю услышит.

– Не ори на меня! – фыркнула Розмари. – Коли так, мы с Брендалин берём на себя деревню. Пойдешь со мной, Брендалин?

Та кивнула, и девушки ушли первыми, взявшись под руки.

Элмерик, конечно, предпочёл бы сам пойти со своей прекрасной леди, но в глубине души был рад, что Роз и Брендалин выбрали деревню. Там было безопаснее всего.

А Орсон тем временем препирался Джеримэйном:

– К-келикейт не преступница!

– Ага, и цепи на ней игрушечные.

– В смысле, не д-думаю, что она сама сбежала. Зачем ей б-бежать из б-безопасного места? Что-то случилось. М-может быть, её п-похитили фейри. Вы же видели б-болотные огни по ночам.

– Хм... Но тогда её надо искать в Чёрном лесу, как я с самого начала и собирался. В долине мы только время потеряем.

– Мастер Патрик предупреждал... – начал Мартин, но Джеримэйн отмахнулся.

– Мастер Патрик то, мастер Патрик сё... плевал я на вашего мастера Патрика. Как хотите, а я – в лес. Кто со мной? Никто? Ну и отлично!

Он свернул на поле, но далеко отойти не успел.

– погоди, с тобой, – крикнул Мартин ему в спину.

– Тогда догоняй.

– Но ты обещал, что мы пойдём вместе, – Теперь уже Орсон поймал Мартина за рукав.

Джеримэйн, обернувшись, закатил глаза.

– Ясно. С вами каши не сварить. Уже и добрые полчаса потеряли. Делайте, что хотите, а я пошёл.

Он бодро зашагал к лесу, по пути срывая попадавшиеся под руку колоски. Мартин, не раздумывая, бросился следом. За ним – и Орсон. А Элмерик остался.

Бежать за этим нахалом? Вот ещё! Да пусть несётся хоть в объятия болотных бесов! Вот уташат его в чашу – будет знать! Бард был бы не против, если лесные фейри проучили бы Джеримэйна как следует. Не до смерти, конечно, а так, чтобы нос не задирал.

Пока он придумывал хорошее возмездие, после которого Джеримэйн сразу признавал, что был не прав, и молил о прощении, Мартин с Орсоном тоже успели скрыться среди деревьев.

– Бесы вас раздери! – Элмерик вдруг понял, что остался на развилке совсем один.

И что теперь делать? Идти за Брендалин и Розмари в деревню? Сунуться в лес и попробовать догнать приятелей? После дождя на земле наверняка остались следы. А ещё можно исследовать поля самому. Наверное, они безопаснее, чем лес. Хотя... до опушки вон рукой подать. Что, если он встретит фейри, а у него с собой даже холодного железа нет?

Элмерик глубоко вдохнул, потом выдохнул. Так, без паники. Во-первых, таскать в лес меч – только злить болотных бесов. Они сочтут тебя опасным и непременно нападут. Не зря же говорят: если не хочешь войны – не разгуливай с видом, будто собрался на битву. Во-вторых, главное оружие барда – не меч, не нож, а флейта. А его верная флейта там, где ей положено быть – на поясе. В случае опасности выхватить её можно в один миг. И он кое-что понимал в защитных чарах. В-третьих, на его щеке всё ещё был оберег мастера Патрика. А вернуться на мельницу с пустыми руками он всегда успеет. Хуже будет, если друзья сочтут его трусом!

Эти мысли придали Элмерiku уверенности, и он зашагал по полю. Прямые колосья и васильки выпрямлялись на глазах. Ещё немного – и станет незаметно, что здесь когда-то проходили люди...

Лес оказался совсем не страшным и жил своей жизнью. Элмерик прислушивался, но не слышал ничего необычного: только пение птиц, жужжание насекомых, шелест листьев в вышине и мерный скрип покачивающихся деревьев. Он вздрогнул, когда над головой раздался стук, но это оказался всего лишь дятел-красношапочник. В траве кто-то шуршал: полёвки или ещё какие-то мелкие зверьки. А, может, это были маленькие фейри размером с мышь? Теперь Элмерiku стало казаться, будто за ним кто-то следит. На всякий случай он определил стороны света по солнцу, чтобы не заплутать – уж этому-то его странствия научили.

Элмерик родился в городе, они с родителями жили на самой окраине Тригорицы – столицы Холмогорья. У них был особняк со старинным ухоженным садом, в котором по слухам тоже водились фейри. А до ближайшего леса были мили пути. Даже став бродягой, он предпочитал не сворачивать с крупных трактов и останавливаться на ночлег не под кустом, а в сухой и тёплой таверне, где всегда найдётся местечко для хорошего музыканта. Зачем соваться в чашу? Не волкам же с медведями песни петь?

Когда опушка, а вместе с ней и поле скрылись за деревьями, Элмерик подумал, что поступил опрометчиво. Под сенью деревьев оказалось темнее, чем он ожидал. Ох, не зря лес прозвали Чёрным. Вокруг росли мрачные разлапистые ели, заслонявшие ветвями небо. Их стволы обвивал буйный плющ. Солнце спряталось за облаками, в воздухе запахло сырой землёй и

затхлостью – будто из погреба – и ещё какими-то горькими травами, названий которых Элмерик не знал. Какая то мошка больно укусила его в ногу, колено сразу распухло и зачесалось.

Нет, хватит с него лесных приключений. Пора поворачивать к дому. И пусть его сочтут трусом, но хуже будет, если он тоже заблудится. Тогда искать придётся не только Келликейт.

Сперва Элмерiku казалось, что он идёт верной дорогой и просвет между деревьями вот-вот появится. Но время шло, а лес светлее не становился. Как только он начинал узнавать места, тропу перегораживали заросли тёрна или ежевики. Ползучие кусты норовили вцепиться в одежду колючками. Элмерик вспотел, разодрал в кровь ладони и, вдобавок промочил ноги. Уже не раз он успел осыпать проклятиями кусачих мошек, острые шипы, скользкую глинистую дорогу и весь этот лес – таинственный и недружелюбный.

Хотелось пить, но ни одна из встреченных лужиц не вызвала доверия, а чистый родник на глаза не попадался. Когда живот подвело от голода, Элмерик сорвал несколько зрелых на вид ежевичин и отправил их в рот. Ну и кислятина! В лесу были и другие ягоды, но трогать их было боязно. А вдруг ядовитые? Впору было пожалеть, что он плохо учил все эти растения из свитков мастера Патрика.

В конце концов пришлось признать: он заблудился.

– Эй! – Элмерик завертел головой, озираясь. – Есть тут кто-нибудь? Мартин? Орсон? Помогите!

Он звал, пока не охрип, но никто не откликнулся. Птицы притихли. Может, их напугали крики? А может, недовольный шумом лес, приглушил все звуки и его зов не был слышен за пределами этой поляны? Элмерiku казалось, что его уши набили ватой. Теперь он был уверен, что за ним следят. Присматриваются. Хихикают даже. Он был незванным гостем в этой тёмной чаще, полной опасностей.

Сейчас Элмерик был бы не прочь увидеть болотный огонёк. Конечно, те заманивают усталых путников в трясины, но можно было посмотреть, куда его поведут, и пойти в другую сторону. Ноги гудели, голова кружилась, а глаза слипались, как после бессонной ночи. А ведь он хорошо выспался накануне.

Оставалось положиться на бардовское везение и идти наугад. Так он и сделал.

Вскоре под ногами стало неприятно похлупывать, подошвы сапог проваливались в вязкую почву, а каждый оставленный след мгновенно заполнялся тёмно-бурой водой. Деревья вокруг стали ниже и росли всё реже, земля покрылась бугристыми кочками, а болотные травы намекали, что в эту часть леса лучше не заходить. Элмерик выломал себе палку покрепче и теперь тыкал ею в каждую кочку прежде, чем наступить. Он попытался вернуться по собственным следам, но вместо этого забрался ещё дальше в торфяники – сам не понял, как так вышло.

Наверное, его заморочили болотные бесы, которых Орсон так любил поминать к месту и не к месту. Считалось, что им лишь дай волю – заведут в гиблое место, и поминай как звали.

Элмерик не знал, сколько времени прошло. Наверное, закат был уже не за горами. А наступление темноты не сулило ничего хорошего: с восходом луны, по слухам, сила злых фейри только возрастала.

Он достал флейту и сыграл простые чары поиска пути. Ничего не вышло. Может, он что-то напутал в мелодии? Обессилев, Элмерик опустил на поросший седым мхом валун, чтобы перевести дух.

«Когда что-то не получается, остановись и пережди, пока невезение пройдёт мимо», – так говорила прабабка Марджери, которая никогда не болтала попусту. Она ведь была дочерью Вилберри скрипача. Да, того самого! Чаропевца, известного не только в родном Холмогорье, но и в Объединённых Королевствах, на Ветряной гряде и Соляных островах, и даже при обоих эльфийских дворах. Элмерик очень гордился этим родством, но сейчас ему казалось, что знаменитый предок был бы разочарован его поведением.

Пока он переживал свою «полосу невезения», в лесу заметно похолодало. Небо не предвещало дождя, но августовские ночи уже успели стать по-осеннему зябкими. Эх, зря он ещё утром отшнуровал рукава у старой замшевой куртки. Элмерик приподнял воротник и застегнулся на все пуговицы. Вздыхнув, он встал, стряхнул прицепившийся репейник и собрался было идти дальше, но вдруг услышал странный звук, напоминавший плач. Бард настороженно замер, прислушиваясь.

Нет, ему не чудилось. Где-то неподалёку среди болот плакала женщина. Элмерик подобрал свою палку и поспешил на голос.

– Пусть я не рыцарь и не герой, – рассуждал он вслух, лихо перепрыгивая через поваленные деревья, – но оставлять деву в беде нельзя. А что, если бы Брендалин заблудилась? Нет, лучше не Брендалин. Может, это Келликейт упала и повредила ногу? Если найти подходящие ветки, можно сделать волокушу. А ночевать в лесу вместе не так страшно...

Звук собственного голоса успокаивал, даже придавал сил. Элмерик старался не думать, что женский голос в Чёрном лесу мог принадлежать вовсе не человеку, но всё же держал наготове как флейту, так и палку. И надеялся на лучшее.

Плач становился всё громче: Элмерик явно шёл в нужном направлении. Вот только небо потемнело, как перед грозой, в воздухе запахло тиной, грибами и вонючим болотным газом. На болотах зажглись огоньки. Они были повсюду: на пнях, торчавших, словно гнилые зубы посреди мха, на тёмных стволах поваленных деревьев среди поганок. И вряд ли указывали на клады...

– Эй! Есть тут кто живой?!

Гулкое эхо пронеслось между деревьями и, отразившись, вернулось назад – болото добавило в него издевательские нотки. Неподалёку что-то булькнуло. Кто-то тихо захихикал. В тот же миг плач прекратился, и испуганный дрожащий голос ответил:

– Я здесь, над водой. Рик, это ты, что ль?

– Розмари?

Этот чудной говор сложно было не узнать. И болотный морок вряд ли назвал бы его по имени.

Бард продрался сквозь бурелом, оставив на ветвях пару лоскутов рубахи и клочок рыжих волос. Перед ним простиралось заболоченное лесное озеро – самое подходящее место для плотоядных фейри. Сквозь зелёный ковёр ряски проглядывала чёрная гладь воды, над поверхностью вздымались кривые коряги, повсюду плавали куски подгнившей коры, сплошь усеянные огоньками. Деревья сплели над озером настоящую паутину из ветвей. Это было бы даже красиво, если бы не смотрелось так зловеще.

А ещё они создали кокон, висящий над озером на стебле толщиной примерно в человеческую руку. Он покачивался, спускаясь всё ниже и ниже к воде. А Розмари находилась внутри.

Девушка без устали обрывала листья и шипастые ветки, но выбраться не могла. Знак сокола на её лице светился алым, отчего весь кокон окутывало слабое сияние. Похоже, оберег мастера Патрика не мог защитить от всего на свете.

Элмерик заметил, что кочки и коряги тянутся дорожкой почти до середины озера. Если осторожно перепрыгивать с одной на другую, до кокона можно было добраться, почти не замочив ног. А колдовская мелодия от сорняков на поле – да, в его репертуаре была и такая – поможет остановить рост стеблей.

Он уже приготовился ступить на первую кочку, когда пленница, разгадав его намерения, крикнула:

– А ну-ка стой! Мне всё равно уже не помочь, а так мы оба пропадём.

– Не говори глупостей, – Элмерик подтянул голенища сапог. – Если ты считаешь, что я могу тебя бросить, то знай: я крайне возмущён.

– Здесь полно болотных бесов, – всхлипнула Розмари. – А ещё я потеряла платок-та.

– И чем бы он помог от болотных бесов?

– Ничем. Но я такая растрёпа, божечки... На тыкву похожа, наверное.

Элмерик, не удержавшись, приснул. Оранжевое платье среди буйной зелени... действительно, что-то есть.

– Мне плевать, как ты выглядишь. Почему ты об этом думаешь в такой момент? Ох уж эти женщины...

Он ткнул палкой в ближайшую кочку. Вроде, надёжная.

– Стой! Это западня! – Розмари вцепилась в стебли, словно в прутья решётки. – Уж больно любезно тебе тропку проложили. Эти твари умеют выжидать. Будешь думать-та, что почти справился, – вот тут-та они как выскочат! И как утащат тебя на глубину! И сожрут.

– Подавятся.

Элмерик храбрился. Но тут из болота вытянулась костлявая рука бледно-зелёного цвета. Длинные паучьи пальцы попытались вцепиться в кокон, но сокол на щеке Розмари вспыхнул ярче прежнего. Тварь взвыла дурным голосом и спряталась обратно в воду.

– Болотные бесы! – выдохнул Элмерик.

В кои то веки привычное ругательство в точности описывало происходящее.

– Получи, падлюка, – Розмари швырнула вслед твари оторванный стебель. – Шоб тебе птичка мастера Патрика поперёк глотки встала-та! И матушкин оберег рябиновый!

Под водой что то закрутилось, заметалось, будто пиявка перед дождём. Вот только пиявка эта была здоровенная, как сосновый ствол. Однако вскоре всё стихло.

– Думаю, они теряют терпение, – спокойным голосом сказала Розмари; её волнение выдавали только вздымающаяся от частого дыхания грудь и лихорадочный румянец на щеках. – Они не могут сюда взобраться, но и я-та не могу выбраться. Значится, бесы будут ждать, пока я не выбьюсь то из сил. Как думаешь: падаль-та они жрут?

– Н-не знаю... – от страха Элмерик заикаться не хуже Орсона.

Живот аж скрутило, к горлу подступила тошнота, но он старался не подавать виду. И тут в его голову закралась ужасная мысль.

– Брендалин же была с тобой! Где она?!

Буйное воображение Элмерика уже нарисовало картину страшной гибели девушки, но Розмари поспешила его успокоить:

– С ней всё в порядке. По крайней мере, было несколько часов назад, когда мы разошлись-та в разные стороны.

– Почему вы разделились?

– Поругались, – нехотя, призналась Розмари. – Наговорили друг другу гадостей всяких.

– Ох... Из-за чего?

– Я по деревне-та хожу, всех расспрашиваю, а она стоит молчком, улыбается, колокольчики рвёт. Ну я и разозлилась-та. Грю, что это наша барышня работой брезгует. Я, грию, за тебя всё делать не буду. Давай тоже участвуй. А она нос зажимает. Мол, навозом ей пахнет. Неженка!

Элмерик подумал, что Брендалин, должно быть, растерялась в деревне, как он сам в лесу. Если она всю жизнь прожила в столице, ей должно быть оказались в новинку деревенские запахи. Тут с непривычки кого хочешь замутит.

– А как ты в лесу оказалась?

– Да сдуру. Брендалин всё время ныла: туда не ходи, сюда не ходи, пойдём домой-та. А как возвращаться с пустыми-та руками? Мы ж так ничего и не узнали. Ну я и сделала ей назло-та. Ещё трусишкой обозвала. А теперича выходит, что она была права, – Розмари горько вздохнула.

– Понимаю, – у Элмерика вырвался точно такой же вздох. – Я вот тоже... назло.

Он жалел, что в миг, когда он решил войти в лес, с ним рядом не оказалось Брендалин. Её бы он послушался. Наверное.

– Ты лучше беги на мельницу, Рик. Расскажи обо всём мастеру Патрику. Может, он успеет-та... – Розмари всхлипнула.

Элмерик воткнул палку в землю, обеими руками пригладил полные репьев кудри и помассировал виски – так ему лучше думалось. Обернувшись, он обомлел. Палка в мгновение ока покрылась листьями, как будто всегда здесь и росла. Лес забрал то, что считал своим. И вдобавок собирался забрать их обоих.

– Я заблудился и не знаю, куда идти, – обречённо признался Элмерик. – К тому же до заката осталось всего ничего. Мне всё равно не успеть.

От этих слов на душе заметно полегчало. Он словно тащил с собой тяжёлый камень, а теперь вдруг выбросил.

Розмари в ответ вздохнула:

– Значится, нам остаётся лишь уповать на чудо и молиться. Авось пронесёт.

Но вряд ли она сама в это верила.

Глава третья

– Ха! Здорово же вы влипли, неудачники!

Элмерик вздрогнул, когда с противоположной стороны озера вдруг раздался знакомый насмешливый голос.

– Джеримэйн! Ты один? А где Мартин с Орсоном? Вы нашли Келликейт? – он даже обрадовался появлению недруга.

– Понятия не имею, они отстали.

Элмерик насторожился. А вдруг это вовсе не Джеримэйн, а болотный бес в его облике?

– Тогда чем докажешь, что ты тот, за кого себя выдаёшь, а не подменыш?

– Ой, Рыжий, ну не начинай. Я – это я, и точка.

– Нет уж, сперва скажи, какими словами ты меня встретил на мельнице?

– Сказал, что твоё место на койке у двери. И вышло по-моему. Видишь, я никогда не бросаю слов на ветер.

– Уф-ф, – Элмерик с облегчением выдохнул.

Действительно, зачем бы болотным бесам принимать облик этого неприятного типа. Им стоило бы превратиться в кого-то, кому Соколята больше доверяли. Например, в мастера Патрика.

– Тогда давайте я вас тоже проверю, что ли, – ухмыльнулся Джеримэйн. – Что было сегодня на мельнице на обед?

– Так мы не обедали.

– Рыжий прошёл проверку. А Розмари пусть скажет, как я её обзывал.

– Королевой свинарника, – вздохнула девушка.

– Ты ей это говорил? – вспыхнул Элмерик. Но весь его праведный гнев вмиг улетучился, когда корешок, высунувшийся из озера, обвинил его щиколотку и дёрнул.

– Ай! – бард вырвался из хватки, и обиженный корешок убрался под воду.

– По моему, эти ребята из озера решили, что вы очень вкусные, – хохотнул Джеримэйн.

– А то без тебя мы не заметили!

Элмерик попытался отвоевать у болота свою палку, но тщетно: та уже пустила корни. Недруг, сложив руки на груди, с усмешкой наблюдал за его усилиями.

– Ла-а-адно, так уж и быть, попробую вам помочь. – Он достал из сапога нож, подышал на лезвие и протёр его рукавом. – Попробуем добраться до кокона вместе сразу с двух сторон. Я отвлеку бесов заклятием безопасного пути, пока ты будешь идти. Или струсишь?

А вот это уже был вызов!

– Я и без твоей помощи справлюсь, – Элмерик достал флейту. – Давай наперегонки – кто первым доберётся?

Джеримэйн лениво кивнул, но его глаза уже загорелись азартом. Розмари покачала головой и, прислонившись лбом к прутьям своей клетки, выдохнула:

– Вот идиоты-та! Куда вас несёт, малохольные?

Но соперников было уже не остановить.

Приложив серебряную флейту к губам, Элмерик заиграл зачарованную мелодию и ступил на скользкую корягу. Из воды высунулся всё тот же узловатый корешок, попытался обвить ногу барда под коленом, но, заслышав музыку, замер, а потом быстро скрылся в глубине, забрав с собой и корягу. Элмерик едва успел перепрыгнуть на следующую кочку, как к нему опять потянулись два зелёных стебля. Что ж, пути назад не было – теперь только вперёд. Каждый миг он рисковал упасть в тёмные воды, жаждущие добычи. Прекратить играть на флейте означало бы вернуть смерть.

Джеримэйн снова подышал на лезвие, чтобы то запотело, и начертил на нём пальцем какой-то символ. Затем повернул нож рукоятку вперёд и выписал прямо перед собой в воздухе несколько фэд огама – магического алфавита, которым издревле пользовались смертные волшебники. Это была не дикая магия, а разрешённое колдовство, однако впечатляло оно ничуть не меньше. Фэды сияли, постепенно растворяясь и осыпаясь золотыми искрами по краям. Даже болотные огоньки потускнели от зависти. Стоило краям немного расплыться, Джеримэйн тут же обновлял знаки. Болотные бесы протянули руки, но обожглись и, ворча, уползли на глубину. Он добрался до середины озера первым, просунул руку внутрь клетки, и Розмари отчаянно вцепилась в его ладонь.

Подоспевший немногим позже Элмерик ухватился за кокон с другой стороны – и как раз вовремя: путеводное заклятие окончательно рассеялось. Островок, на котором они стояли, дрогнул под ногами, собираясь уйти на дно.

– Быстрее залазьте наверх! – выкрикнула Розмари

Оба спасителя – один с флейтой за поясом, другой с ножом в зубах – поспешно последовали её совету.

Они успели в последний миг: островок погрузился в воду, выпустив несколько крупных пузырей. Один из них плюнул болотной тиной прямо в лицо Элмерику. Проклятье! Он наспех утёрся рукавом и, тяжело дыша, вскарабкался как можно выше. Под их весом кокон опустился, став ещё на несколько дюймов ближе к воде. Толстый стебель угрожающе затрещал, но выдержал. Знак Соколов на щеке отозвался неприятным жжением – будто крапивой по лицу полоснули.

Теперь он смог разглядеть поближе растение, захватившее Розмари и ахнул:

– Это что, плющ? Никогда не видел такого огромного.

– Добро пожаловать в Чёрный лес, детка, – фыркнул Джеримэйн.

Внизу что-то булькнуло. Сквозь мутную толщу воды Элмерик увидел, как бесы таращили покрытые белёсой плёнкой выпуклые глаза, играли длинными когтями, облизывали бледные губы тонким языком и щерили зубастые пасти. Было слышно даже их тихое шипение:

– С-с-скоро, с-с-совсем с-с-скоро. Не уйдёшь-ш-шь.

– Теперь мы все трое влипли, – в голосе Джеримэйна слышался задор, даже радость.

– Тебе это нравится? – ужаснулся Элмерик.

– А что мне, плакать, что ли? Я в Соколы пошёл не для того, чтобы дома отсиживаться. Где ещё найдёшь такие приключения?

– Ты чокнутый!

– Спасибо, я польщён, – Джеримэйн, наверное, раскланялся бы, если бы мог. – А теперь давай, Рыжий, примени своё бардовское вдохновение. Есть идеи, как вызволить нашу глупую бабочку из кокона.

– Да иди ты к бесам! – Розмари обиделась на «глупую бабочку».

– Да уж, идти недалеко. Вон они поджидают.

– Прости, я не в этом смысле, – смутилась девушка.

– Тогда следи за языком. Ты же будущая ведьма. Слова ого-го какую силу имеют. Не веришь, спроси у барда.

– Бард думает, что вы обалдели ругаться, когда наша жизнь висит на волоске.

– Вообще-то, на стебельке, – хохотнул Джеримэйн.

Он ещё и смеётся! В такой момент! Ну точно ненормальный.

– Не важно. Просто заткнись и режь, пока я буду играть на флейте. Есть одна идейка, как можно улучшить чары от сорняков. Думаю, так мы сможем вызволить Розмари.

– Вечно тебе достаётся работёнка полегче, – Джеримэйн лихо провернул нож и Элмерик только сейчас заметил, что сквозь дырочку в рукояти продета верёвка, обхватывающая

запастье. Даже если выронишь – не потеряешь. Хм, может, этот придурок не настолько безрассуден, как кажется?

– Я тоже подсоблю, чем смогу, – Розмари оторвала несколько побегов, но на их месте сразу же выросли новые. – Не думайте, я не совсем беспомощная-та!

Элмерик только теперь разглядел следы её былых трудов – не только оборванные листья и черешки, но даже следы зубов на стеблях. Сок растения, похоже, был ядовитым – на ладонях у Розмари набухали волдыри.

– Не тратила бы ты силы понапрасну. Они растут быстрее, чем...

Он не договорил, потому что девушка сложила оторванные листочки крест накрест и что-то зашептала. Быть может, Элмерик недооценил подругу? Всё-таки её взяли в Соколы, а не на кухню помогать.

Джеримэйн ловко орудовал ножом, и вскоре его руки тоже покрылись волдырями. Он не жаловался, лишь затейливо ругался.

Мелодия Элмерика хоть замедлила рост плюща но, увы, не остановила. Зато сработало заклинание Розмари: побеги, которых касалась девушка, покрывались жёлтыми пятнами, засыхали и отваливались, а новые на их месте не вырастали.

Они почти прорубили путь на свободу, когда Розмари вдруг выронила из рук сложенные листки.

– Ой, чёй-та мне нехорошо. Передохну немножко, – её голос был слабым, веки слипались.

– Эй, Роз, не вздумай спать! – Джеримэйн просунул руку в дыру и потряс её за плечо. – Без тебя нам крышка!

– Я не сплю, не сплю, – она приоткрыла глаза. – Говорила мне маменька: не занимайся, доча, порчей...

Так вот оно что! Элмерик едва не взял фальшивую ноту. Тех, кто занимался порчей и наведением болезней, обычно презирали. Ибо нехорошее это дело, дурное. Поговаривали, что самому колдуну или ведьме сотворённое зло возвращалось сторицей...

– Роз! Говори что-нибудь!

– Это называется мучнистая роса и жёлтая сухотка, – голос девушки был похож на шелест осенней листвы. – Так ведьмы заставляют рожь и ячмень хворать, а садовые деревья – сохнуть и сбрасывать недозрелые плоды. Так можно загубить весь урожай на корню. И шоб скот-та уморить, схожие наговоры творят. Моя матушка сильной ведьмой была. Могла такую ядрёную порчу навести, что не всякий учёный чародей сымет. А я ни-ни! Ток если очень надо.

– Но это же дикая магия, – пробормотал Джерри. – Самая настоящая! У тебя что, в роду эльфы были?

Розмари, услышав неприкрытое восхищение в голосе, оживилась.

– А ты думал, она только эльфам даётся-та? Да деревенские бабы-та всюю ею балуются... А ежели в верный день заговор читать, то и любая городская дурочка управится.

– Ты имеешь в виду лунный день?

– Ага. Хотя правильное место тоже важно. Одни упрочают волшеббу, а другие, наоборот, сводят на нет. Все знахарки это знают.

– Вам не кажется, что сейчас не время устраивать встречу любителей запретной магии? – пробурчал Элмерик, отрываясь от игры на флейте.

– Заткнись и играй, – оскалился Джеримэйн. – Смотри, почки опять полезли, как бешеные.

– Сам бы поиграл! У меня уже губы онемели.

– Да пробовал я, – Джеримэйн нарочито широко развёл руками и едва не свалился в воду, но вовремя успел уцепиться за ветку, – не вышло. Думал податься в комедианты, да говорят нет ни слуха, ни голоса.

– От твоей мрачной рожи люди бы шарахались! – не удержался Элмерик, удивлённый неожиданным признанием.

– Вот я и говорю: нечего умножать ряды бесталанной шпаны, – неожиданно легко согласился Джеримэйн, подтягиваясь на ветках.

Элмерик решил не принимать этот выпад на свой счёт. Себе он цену знал: как никак целых пять лет зарабатывал на жизнь игрой на арфе и флейте. На его пути встречались и более выдающиеся музыканты, у которых и поучиться не грех, но безголосых неумех было гораздо больше.

В тишине, лишь изредка нарушаемой всплесками болотной воды, они продолжали войну с буйной растительностью, пока все трое окончательно не выбились из сил. Чарами и железом им удалось прорубить в коконе небольшую прореху, в которую могла бы протиснуться хрупкая Келликейт, но не пышка Розмари. Впрочем, она всё же попыталась. Платье предательски затрещало, нижняя рубашка съехала с плеча больше, чем следовало, и Элмерик, покраснев, поспешил отвернуться.

– Уходите! – Розмари подтянула рубаху. – Вы ещё можете вскарабкаться по стеблю, а там – оп-оп, и до земли. Только ветки выбирайте покрепче-та.

– Мы тебя не бросим!

– Рик, вы должны, – речь девушки звучала всё медленнее, она с трудом ворочала языком.

– Дело дрянь. Боюсь, ей уже не помочь.

За эти слова Элмерiku сперва захотелось стукнуть Джеримэйна, но, проследив за его взглядом, бард охнул.

– О, боги!

Проклятые стебли всё это время не просто держали Розмари в плену. Они прорастали сквозь неё, прокалывали кожу шипами, вытягивая кровь, а вместе с ней и саму жизнь. Девушка смогла продержаться намного дольше, чем любой другой на её месте.

– Это упыря лоза. Наверное, нам отсюда не выбраться... – Джеримэйн сказал это очень спокойно. Таким тоном обычно интересуются, что вы будете мазать на хлеб: джем или масло?

И Элмерик сделал единственное, что было в его силах – продолжил играть на флейте. Он знал, что разрыдается, если перестанет.

Розмари уже не слышала его музыку. Она ещё дышала, но дыхание становилось всё слабей и прерывистей.

– Вот зараза! – Крючковатый шип впился в руку Джеримэйна чуть выше локтя, шнурок оборвался и нож плюхнулся в воду. Они остались ещё и без холодного железа.

Джеримэйн, сжав зубы, рванулся – и вырвался. Только рукав пропитался кровью.

– Рыжий, а ну лезь наверх!

– Нет, ты лезь первым!

Элмерик думал, что поступает благородно, пропуская приятеля вперёд, но тот почему-то не оценил:

– Иди ты лезешь, или я сброшу тебя к бесам в болото!

Элмерик вдруг понял, что Джеримэйн не шутит. Вот же бешеный! Обхватив скользкий извивающийся стебель обеими руками, бард подтянулся и получил пинка под зад.

– Давай быстрее!

– Я тебе это припомню!

Из глаз брызнули слёзы. Но злость и обида придали ему сил, помогая карабкаться наверх. Элмерик старался не смотреть вниз, но болото притягивало взгляд. Кокон просел ещё на несколько дюймов и теперь почти касался воды. Болотным бесам больше нечего было бояться. Добыча была почти у них в руках. Внизу хрустели ветки, и больше всего на свете Элмерик боялся услышать, как захрустят человеческие кости... Он зажмурился и заорал.

Да пропади они пропадом эти Соколы! Даже по кабакам пить было в разы безопаснее. Ну почему они все не послушались наставника и более мудрых друзей: Мартина, Брендалин...

– Да не ори ты! – Джеримэйн отвесил ему ещё один пинок.

Элмерик замолчал. И вдруг понял, что над болотом воцарилась гробовая тишина. Ни плеска воды, ни скрипа деревьев – ничего. Мир словно замер.

Он осмелился приоткрыть один глаз и тут же разинул рот от удивления. Многочисленные болотные огоньки медленно поднимались с кочек и трухлявых пней всё выше и выше, соединяясь в огромный шар.

Болотные бесы, распылив рты в безмолвном крике, пытаясь заслониться руками от яркого света. Некоторые успели нырнуть и зарыться в ил, другие остались плавать на поверхности воды, превратившись в безжизненные коряги.

Щека с оберегом мастера Патрика перестала полыхать. Неужели, опасность миновала?

Розмари сказала, что спасти их может только чудо, – и оно произошло. Кто-то невидимый глазу сотворил дикую магию небывалой красоты.

Обессилив, Элмерик разжал пальцы и съехал по стеблю прямо на голову Джеримэйну. Но тот даже не подумал возмущаться.

– Видишь, Рыжий? Вот она, настоящая эльфийская магия! Красота – глаз не оторвать.

Элмерик кивнул, и в тот же миг огоньки закружились ещё быстрее. А может, у него просто закружилась голова? Тело стало ватным и словно чужим. Он почувствовал, что падает – медленно, как осенний лист с дерева. Внизу была чёрная вода, но Элмерику было уже всё равно: он погрузился в глубокий сон, больше похожий на беспамятство.

* * *

Сознание вернулось вместе с гулким ударом колокола. Элмерик рывком сел и прижал руку к груди, пытаясь унять стук сердца.

За окном барабанил дождь.

Он был на мельнице, в своей постели. И понятия не имел, как здесь очутился.

Его не только принесли, но и переодели в чистую рубаху и забинтовали содранные в кровь ладони. Теперь в комнате пахло, как в лавке аптекаря.

– С добрым утром!

Элмерик повернулся на голос, и увидел Мартина. Тот сидел возле двери на табурете. Его волосы не были заплетены в привычную косу, а висели мокрыми сосульками.

– Под дождь попал, – объяснил Мартин, предугадав вопрос. – Ты лежи, лежи. Все ещё спят.

– Но колокол же уже прозвонил.

– Колокол? Наверное, это у тебя в голове звенит. Принести тебе воды? Или, может, хлеба?

– Не надо. Я скоро сам смогу встать.

– Ну, смотри.

– А где Розмари... она?.. – слова застряли у Элмерика в горле.

– Жива.

– Слава богам! – он откинулся на подушки. – А Джеримэйн?

– Ему досталось меньше яда, чем Роз, но тоже хватило. Мастер Патрик дал им обоим противоядие, так что они оправятся. Нам повезло, что никто не погиб. Но в следующий раз может не повезти. Поэтому больше никаких самовольных вылазок в Чёрный лес, ясно?

– Ты говоришь, как мастер Патрик. Даже интонации похожи, – Элмерик хотел усмехнуться, но охнул. Оказалось, он искусал все губы в кровь. – А Келликейт нашлась?

– Да. Я её нашёл.

Таким подвигом впору было гордиться, но Мартин отчего-то довольным не выглядел.

– И где она была?

– Этого я не могу сказать.

– Эй, мы все, можно сказать, из-за неё пострадали. А теперь ещё и не узнаем, что случилось. Её хоть не выдадут, надеюсь? Может, она и заслуживает хорошей трёпки, но уж никак не эшафота, – Элмерик натянул одеяло до подбородка: его познабливало.

– Почему ты так решил? – удивился Мартин. – Мы же не знаем, что она натворила.

– Да, но... будь она обычной преступницей, её бы не взяли в Соколы. А потом – можешь считать, что я чокнутый, но я не чувствую в ней зла. Не знаю, как ещё объяснить.

– Ты не чокнутый, ты – бард. Поэтому я доверяю твоим предчувствиям. Тем более, что сам думаю точно так же. Она запуталась. Разочаровалась во всём мире и в людях. Но зла в ней нет, это правда.

Элмерик готов был биться об заклад, что Мартин знает больше, чем говорит. Эх, подпоить бы его, чтобы язык развязался. А то многовато у него секретов.

– Так что теперь будет с Келликейт? Уж на этот-то вопрос ты можешь ответить?

– Да ничего. Всё останется по-прежнему.

– Ну, может, оно и к лучшему, – Элмерик помассировал виски.

Голова трещала, как после попойки. Ещё и шею кололо. Нет, вставать определённо было рановато.

– Кстати, а Брендалин рассказали, что со мной?

– Конечно, – улыбнулся Мартин. – Пока вас не было, она места себе не находила. А как только тебя принесли, сидела у твоей постели. Всё ждала, когда ты очнёшься. Я пришёл, когда её совсем сморило. Хочешь, позову её?

– Нет-нет, пусть отдыхает, – Элмерик расплылся в улыбке. Он знал, что выглядит глупо, но ничего не мог с собой поделать. – Кстати, а ты не знаешь, кто нас спас? И что это был за фокус с болотными огоньками?

– Понятия не имею. Какие ещё огоньки? Вас нашли на берегу лесного озера. Спроси у мастера Патрика – может, он в курсе?

– Ага, расскажет он, как же, – Элмерик почесался и выпутал из волос репей. Так вот что кололо его в шею. – Слушай, а кто вообще способен повелевать огоньками?

Мартин в задумчивости прислонился спиной к стене, заложив руки за голову. В рассветных сумерках он выглядел старше своих лет. Наверное, от усталости. Он же всю ночь не спал, получается.

– Ну и вопросы у тебя! Высшие эльфы точно способны. И ещё те чародеи, что у эльфов учились. Но об этом только в сказках пишут, так что не могу ручаться.

– Значит, где-то совсем рядом был такой эльф, – Элмерик мечтательно улыбнулся. – Эх, жаль, я его не увидел! Даже не поблагодарил за наше спасение.

Мартин лишь вздохнул.

– Тебе повезло. Не всякая встреча с эльфами заканчивается добром. Чаще выходит совсем наоборот.

– Прости, я совсем забыл, что твоё проклятие тоже эльфийское. – Элмерик понизил голос до шёпота. – Выходит, ты видел эльфа? Настоящего? А расскажешь, как это было?

– Какнибудь потом. Сейчас я хочу немного поспать.

Мартин направился к своей кровати. Когда он стянул рубаху, Элмерик разглядел на его плечах и спине пару крупных шрамов. Похожие он видел только у старого Хедлея – соседа родителей, – тот в юности был тэном и сражался в войне кланов. Но в Объединённых Королевствах, как и в Холмогорье, давно не было войн! Впрочем, получить удар мечом можно было и встретив разбойника на большой дороге. Наверное, с Мартином произошло нечто подобное.

– Послушай, Мартин, а ты...

– Да умолкни ты уже, трещотка проклятая! – проворчал Джеримэйн, прижимая к ушам подушку. – Вот же язык без костей! Ну дай хоть немного поспать, а...

– Всё, молчу-молчу.

Несмотря на всю прошлую неприязнь, Элмерик был рад снова слышать его голос. В минуту опасности Джеримэйн оказался надёжным союзником. Ещё бы язвил поменьше, цены бы ему не было. Наверное, теперь их отношения наладятся? Но это не значило, что Элмерик собирается хоть в чём-то ему уступать. После лесных приключений стало ясно, как многого они ещё не знают. Теперь бард горел желанием учиться, чтобы доказать всем, кто тут лучший чародей на мельнице!

Он жалел лишь об одном: что живого эльфа так и не увидел. А ведь мог бы!

Глава четвёртая

Этим утром к завтраку опоздали почти все, включая мастера Патрика, так что ругать Соколят было некому. О пирогах от Розмари, увы, не могло быть и речи, пришлось довольствоваться овсянкой.

Мельник пришёл, когда все уже приступили к еде, махнул рукой, мол, не вставайте, и устроился в любимом кресле у камина. Под его строгим взглядом Элмерик внутренне сжался. Но мастера Патрика сегодня не смущали ни грязные полосы на шее у Мартина, ни лишь наполовину выбритое лицо Орсона, ни остатки репьев в кудрях самого Элмерика. На собрании гильдии музыкантов и бродячих актёров, их ни за что не пустили бы за стол в таком виде. Мастер Оллисдэйр (известный под прозвищем Олли Счастливчик) строго следил за опрятностью своих подопечных. Из Соколят его сейчас порадовала бы разве что Брендалин. Элмерик не мог налюбоваться на её платье цвета тёмной сирени, которое очень подходило к её глазам. За собственные репы вдруг стало очень стыдно. За всеми этими мыслями он упустил момент, когда мастер Патрик начал говорить.

– ... наконец-то отстанете. – наставник строго глянул на Джеримэйна, и тот, опустив взгляд, уставился в свою тарелку. – Они приехали на рассвете, поэтому сегодня вы не будете заниматься свитками. Вместо этого к завтрашнему утру каждый из вас опишет всё, что произошло с ним в Чёрном лесу, не забыв указать какие чары и амулеты вы применяли. Келликейт, и ты тоже.

Виновница вчерашнего переполоха сидела на дальнем конце стола, и ковыряла ложкой кашу с таким выражением лица, будто ей подсыпали крысиный яд.

– Как ты? – Спросил Элмерик, но в ответ получил лишь мрачное:

– Спасибо. Прекрасно.

Но когда к ней подсел Мартин, не отодвинулась. Может, потому, что именно он нашёл её, Келликейт согласилась его выслушать? Элмерик сгорал от любопытства, о чём там шепчутся эти двое.

– А кто к нам приехал? – тихонько поинтересовался он у Брендалин.

– Некие мастер Дэррек и мастер Флориан. Они тоже наши наставники, – шепнула девушка ему на ухо.

Почувствовав аромат её цветочных духов, Элмерик залился краской. В зале вдруг стало невыносимо жарко.

– О, я знаю мастера Дэррека. Он приятный человек. Жаль, совсем не похож на героя. Я сперва принял его за писаря.

– Мой дядя любил говорить: всё не то, чем кажется... – улыбнулась Брендалин.

Ох, эта улыбка. Элмерiku хотелось верить, что это признак благосклонности, а не обычная вежливость. А ведь прежде он не робел даже при виде писанных красавиц. Может, потому, что ни одна из них не нравилась ему так сильно? Он боялся прикоснуться даже к краешку её платья, а вот с той же Ивалинн из таверны в Каэрлеоне они однажды целовались весь вечер – и ничего. Всё это было так давно – словно в прошлой жизни... Вот бы набраться смелости и пригласить Брендалин на прогулку после уроков. Пройтись до деревни и обратно. Откажет – невелика беда, от этого ещё никто не умирал (так он себя убеждал). Зато если согласится – это будет почти свидание.

Элмерик вытер вспотевшие ладони о штаны и вдохнул побольше воздуха:

– Я тут подумал... мы могли бы...

– А ну тише там! – шикнул мастер Патрик – Когда наставник говорит – остальные молчат.

От обиды Элмерик закусил губу. Значит, Мартину можно шушукаться, да? Смелость, бурлившая в крови, как пузырьки в кувшине сидра, исчезла бесследно. Он пробормотал под нос извинения, но мельник уже отвернулся и продолжил:

– А ещё хочу напомнить вам, что все, кто ныне находится под крылом у Соколов, равны. Ваша одарённость в колдовском деле не зависит от чистоты крови. Здесь, на мельнице, и благородные, и низкорожденные едят за одним столом, спят в одной комнате и постигают одинаковые премудрости. Ваше прошлое никого не интересует. И даже цепи не касаются никого, кроме той, кто их носит и того, кто принял её в отряд под свою поруку. Впредь прошу вас избегать раздоров. Ведь вам предстоит прикрывать друг другу спины во время Испытания. И после него.

Элмерик хоть и не презирал низкорожденных, но всё равно немного принял упрёк на свой счёт. Украдкой он бросил взгляд на Джеримэйна. Вот кто на мельнице главный задира. Никаких раздоров? Ага, как же... Ты к нему не полезешь, так он к тебе полезет. Словно в подтверждение этих слов Джеримэйн, заметив, что на него смотрят, показал Элмерику язык.

– Это он про меня, наверное, – вздохнула Брендалин.

– Нет, не может быть! Ты же такая... такая... – где же это хвалёное бардовское красноречие, когда оно так нужно.

– Высокомерная, – закончила за него девушка.

– Неправда!

– Ты просто не слышал, что я наговорила Розмари. Теперь она лежит там израненная, вся в бинтах. А ведь я могла бы её остановить, если бы мы поговорили по-хорошему... Теперь я понимаю, почему вы, чаропевцы, так полагаетесь на силу слова. Оно ведь и правда может убить. Чуть не убило.

– Раны Розмари нанесла не ты, а болотные бесы, не забывай об этом. Если чувствуешь себя виноватой – извинись. Роз хоть и простая, но умная. И сердце у неё доброе. Уверен, вы ещё сможете подружиться, – осмелев, Элмерик накрыл её ладонь своей в утешающем жесте. И сразу внутренне сжался – не слишком ли это?

Но Брендалин не отняла руки.

– Ты сказал это, и мне стало легче. Вот она, сила бардовского слова. Спасибо, что выслушал и утешил.

– Обращайся в любое время!

Дзынь! Вдруг громко звякнула цепь. Элмерик вздрогнул и отдернул руку. На его лбу аж выступил пот. Уф, нельзя же так пугать.

– А можно мне снимать это хотя бы на время занятий? – Келликейт с усилием подняла руки над столом, и Элмерик увидел, что запястья девушки стёрты в кровь от зачарованного железа. – Они будут мешать мне учиться колдовству. Обещаю, что больше никуда не уйду с мельницы.

Она стояла, опустив голову, избегая смотреть в глаза мастеру Патрику, но Мартин ободряюще кивнул ей, и Келликейт подняла взгляд.

– Мы не станем менять уговор на полпути, – покачал головой мельник. – Особенно после вчерашнего. Тебя освободят от цепей, когда закончится ученичество. А до той поры постарайся больше не доставлять нам хлопот.

Келликейт не стала спорить с наставником, лишь разочарованно посмотрела на Мартина, но тот только руками развёл.

– А тот наставник... как его... который по дикой магии, – он когда приедет? – Джеримэйн залез рукой под ворот рубахи, чтобы почесать спину, сплошь покрытую укусами болотной мошкеры.

Фу, ну и манеры! На месте мастера Патрика Элмерик непременно сделал бы наглцу замечание, но тот словно не видел в таком поведении ничего неподобающего.

– Его зовут мастер Шон, и тебе ещё рановато с ним встречаться. Помнишь, я говорил, что эльфийское колдовство требует терпения. Если у тебя его и прибавилось, то самую малость.

– Вообще-то, я очень терпеливый! – Джеримэйн вцепился в столешницу. – Хотите, прямо щас докажу?

Мельник словно не слышал его: помассировал затёкшее колено, встал, взял трость.

– Приятного аппетита, дамы и господа, – прихрамывая, он вышел вон.

Джеримэйн резким жестом отодвинул от себя тарелку с остывшей овсянкой.

– Вот же старый хрыч! Уж пожелал так пожелал – теперь кусок в горло не лезет!

– Ты не б-будешь? А м-можно я съем? – попросил Орсон, перегибаясь через стол.

Он всегда был голоден и к тому же совсем непривередлив в еде – так и не скажешь, что сын лорда. Если бы Элмерик ел столько же, он бы уже, наверное, перестал пролезать в дверь. А вот Орсон, напротив, стал выглядеть более подтянутым. Наверное, от постоянных тренировок: Элмерик видел, как они с Мартином ходили на задний двор с длинными шестами в руках.

– Валяй, жри! А я всё равно буду заниматься дикой магией, пусть даже без книг и наставника!

– Ну разве так можно? Тебе же ясно сказали: это может быть опасно, – Брендалин покачала головой.

– Смотрите-смотрите, леди не одобряет дикую магию! Что это: благоразумие или трусость? – Джеримэйн отлично подражал площадным зазывалам; похоже, он не врал, что пытался пойти в комедианты.

– Эй, полегче! – Элмерик стукнул кулаком по столу. – Сам делай, что хочешь, а к другим не лезь.

Джеримэйн медленно встал, набычившись. Ну, началось. А ведь им только что велели избегать ссор. Но задира вдруг сплюнул на пол и стремительно вышел вон. Элмерик так удивился, что едва не побежал за ним следом, но вовремя одумался.

– Спасибо, что вступился за меня, – Брендалин наметила лёгкий поклон. – Знаю, ты сделал бы это ради любого из нас.

– Д-да. Но за тебя я особенно... это... ну... – бесы бы побрали его косноязычие!

– Меня пугает этот человек, – шёпотом призналась девушка. – Он словно трут. Искру поднеси – вспыхивает. А порой и искры никакой не надо.

– Ага, бешеный, – кивнул Элмерик. – Слушай, а может ты... мы... э-э-э, не хочешь прогуляться со мной до деревни после занятий? Если не хочешь, то ничего страшного. Можно в другой раз.

– Почему бы и нет.

– И вообще, я... погоди. Что ты сказала? – его опять бросило в жар.

– Говорю, я согласна. Давай.

В этот миг Элмерiku показалось, что у него за спиной выросли крылья. На уроки он не шёл – летел. Правда, пришлось сначала забежать в комнату за пером и бумагой. Перемахнув через три последние ступеньки, он едва не сбил с ног тихую, как тень, Розмари.

– Ой, прости, – он схватился за перила. – Как ты себя чувствуешь? Тебе уже разрешили вставать?

Розмари выглядела очень бледной. Вся в ссадинах, с огромными синяками под глазами. Её левая рука покоилась в платке, перекинутом через плечо. Обе ладони были забинтованы, как и у самого Элмерика. Казалось, даже пушистые волосы поникли.

– Мне лучше уже, – она прислонилась спиной к стене.

– Оно и видно. Зачем ты вскочила? Давай, обопрись на мою руку, вернём тебя в постель.

– Вот, возьми, – Розмари сунула ему в ладонь какой-то мешочек. – Это тебе за спасение-та.

И захромала в направлении комнаты девочек, так и не приняв его помощь.

В мешочке Элмерик обнаружил оберег из свёрнутых в кольцо тонких веточек в оплётке из красно-белых нитей. Сперва хотел убрать подарок в карман, но потом передумал и надел на шею, спрятав под рубаху. Никогда ведь не знаешь, что в жизни пригодится. А в окрестностях мельницы было и впрямь небезопасно.

Ему было до жути интересно, получил ли такой же оберег Джеримэйн. Но спрашивать Элмерик, конечно же, не стал.

* * *

В учебную комнату переоборудовали одну из спален рядом с общей залой. Судя по толстому слою пыли, там уже давно никто не жил. Кровать, туалетный столик с треснувшим зеркалом и пуфик для ног выволокли прямо в коридор, вместо них притащили пару столов и лавки, ещё открыли окна, впустив немного света и свежего воздуха – вот и все приготовления.

Элмерик, конечно же, занял место рядом с Брендалин.

– Интересно, кто здесь жил раньше? – он поскрёб пальцем бежевые обои на стене. – Ух ты, настоящий шёлк! И цвет такой нежный, с золотинкой. Как будто во дворце, а не на мельнице. Может, мастера Патрик навещала какая-нибудь принцесса-фейри?

– Боюсь, всё было куда печальнее, – покачала головой Брендалин. Свет из окна падал на её волосы так, что казалось, будто их окутывало слабое сияние. – Говорят, в этом году в канун Бельтайна случилось что-то очень страшное: несколько Соколов погибли. Думаю, комната принадлежала одной из них.

– Ого! А вдруг здесь до сих пор обитает призрак этой леди?

– Н-не говори такие вещи. Мне и так неловко. Как будто мы вторглись куда-то, где нас не ждали, – Брендалин крепко сжала в пальцах перо.

– Не бойся. Я защищу тебя. К тому же, призрак кого-то из Соколов вряд ли желает нам зла. Мы же тут не совсем чужие.

– А вдруг ей не понравится, что мы заняли её место?.. Впрочем, мне не следует об этом думать. Я должна стать смелее. Иначе мне не пройти Испытание.

– Помнишь, что сказал мастер Патрик? Мы будем сражаться бок о бок. И ты всегда можешь на меня положиться.

– Да, но... важно, чтобы и ты, и другие могли положиться на меня. Вот бы было какое-нибудь зелье смелости. Выпьешь – и не чувствуешь страха.

– Такое есть, но вряд ли оно тебе понравится. Говорят, его придумали ещё во времена фоморов. Знаешь, это такие страшные великаны, которые жили на этих землях до того, как пришли фейри. Мне о них рассказывал отец.

– Да, я тоже слышала эти легенды в детстве. Потом несколько ночей не могла спать, всё казалось, что фомор меня заберёт, – Брендалин содрогнулась, и Элмерик снова взял её за руку, чтобы успокоить. Пальцы были такими холодными, что ему захотелось согреть их дыханием. Но для этого ему тоже нужно было стать немного смелее.

– Так вот, говорят эти самые фоморы варили зелье из поганок. Или из мухоморов? А затем шли на битву, не ведая страха, не чувствуя боли, круша всё на своём пути, – он заговорил нараспев, подражая интонациям отца.

– Ты прав. Пожалуй, я не буду есть поганки, – Брендалин немного повеселела, и бард решил не останавливаться.

– А я, кстати, встречал призрака! Он живёт в зале нашей гильдии, все зовут его Одиноким Музыкант...

По правде говоря, Элмерик видел Одинокого Музыканта совсем мельком, и даже не был до конца уверен, что ему не почудилось, но ему очень хотелось впечатлить даму сердца.

Глаза Брендалин округлились, она хотела что-то сказать, но в этот момент в комнату вошёл мастер Дэррек. Так Элмерику не досталось ни капли восхищения. И даже руки пришлось разомкнуть, эх...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.